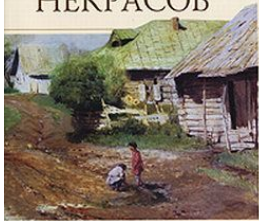

ВСЕМИРНАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭЗИИ

НИКОЛАЙ
НЕКРАСОВ

Николай Алексеевич Некрасов

Стихотворения

Предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=173846
Некрасов Н.А. Стихотворения: Эксмо; М.; 2007
ISBN 978-5-699-24393-8

Аннотация

Литературное наследие Николая Алексеевича Некрасова обширно и разнообразно по жанрам, и в эту сравнительно небольшую книгу вошла лишь малая его часть, но самая блистательная – лирика.

Неиссякающая сила Некрасова-поэта – в особой доверительности его художественных интонаций: они обращены к сокровенным сторонам человеческой натуры, угнетаемой повседневностью, испытываемой на прочность социальными конфликтами... Проблемы вечные, но слово Некрасова целит и укрепляет.

Содержание

Поэзия как правда	6
СМЕРТИ	23
СМУГЛЯНКЕ	25
НАШ ВЕК	27
ПЬЯНИЦА	31
СОВРЕМЕННАЯ ОДА	33
ОГОРОДНИК	36
ТРОЙКА	39
РОДИНА	42
ПСОВАЯ ОХОТА	45
НРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК	60
ФИЛАНТРОП	70
БУРЯ	77
НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА	79
ВЛАС	81
ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ	85
ПОЭТ И ГРАЖДАНИН	90
ПРОСТИ	104
ШКОЛЬНИК	105
УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ	107
РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО	114
ПОДЪЕЗДА	
ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ	120

ПАПАША	124
ПЛАЧ ДЕТЕЙ	131
НА ВОЛГЕ	133
НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО	145
ПОХОРОНЫ	147
КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ	151
ДУМА	162
СВОБОДА	165
РЫЦАРЬ НА ЧАС	166
ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ I	176
ЧТО ДУМАЕТ СТАРУХА,	179
КАЛИСТРАТ	181
ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА	184
ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА	192
О ПОГОДЕ	194
БАЛЕТ	226
ОСИПУ ИВАНОВИЧУ КОМИССАРОВУ	242
ПЕСНИ	244
ЕЩЕ ТРОЙКА	252
С РАБОТЫ	255
КУЗНЕЦ	258
СТИХОТВОРЕНИЯ ПОСВЯЩЕННЫЕ	259
РУССКИМ ДЕТЯМ	
ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ	271
СОЛОВЬИ	279
НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА	283

УТРО	288
ПУТЕШЕСТВЕННИК	290
ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ	292
ЭЛЕГИЯ	293
ПРОРОК	296
ПОЭТУ	297
КАК ПРАЗДНУЮТ ТРУСУ	299
З<И>НЕ	301
СЕЯТЕЛЯМ	303
МОЛЕБЕН	304
ПОЭТУ	306
ОСЕНЬ	307

Николай Некрасов

Стихотворения

Поэзия как правда

Воспоминание из студенческих лет. Лекция легендарного Михаила Павловича Ерёмкина в Литературном институте. Вот он входит в аудиторию и вдруг останавливается у двери. Хотя лекция о лирике 1820-х годов, начинает читать Некрасова, «Рыцарь на час»:

*Повидайся со мною, родимая!
Появись лёгкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других...*

Читает долго, читает так, как умеют читать совсем немногие, очень просто, для круга друзей и при том давая вес каждому слову в строке.

А смолкнув, своим быстрым шагом подходит к доске, стремительно ухватывает тряпку и стирает одним махом выведенное мелом:

– Нельзя это для прописей!

А были изображены на доске две первых из прочитанных

им строчек: до нашей лекции здесь, вероятно, прошло занятие по стилистике русского языка.

Некрасова, действительно, разодрали на тексты для диктантов, на афоризмы какого-то социально-мизантропического толка: «То сердце не научится любить, Которое устало ненавидеть...», «...дело прочно, Когда под ним струится кровь...», «Даром ничто не даётся: судьба Жертв искупительных просит...» или свели к трогательной банальщине: «Поэтом можешь ты не быть, Но гражданином быть обязан», «Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!»...

Между тем любое непосредственное соприкосновение с лирикой Некрасова, то есть, попросту говоря, её чтение мгновенно отводит нас от устоявшихся стереотипов, увлекает своей нежданной, именно лирической свежестью. Это ощущение хорошо передал Достоевский, рассказав, как ночь напролёт читал Некрасова, не мог оторваться от страниц. Ну, допустим, он лично знал Некрасова, а перед этим навещил его, измученного смертельной болезнью. Но творчество Некрасова увлекало в разные времена разных людей. Многие годы над его наследием размышлял Василий Васильевич Розанов, самобытнейший русский мыслитель, которого трудно было загнать в интеллектуальный тупик или чем-либо удивить. Но «простой» Некрасов не давался Розанову. Мощь личности Некрасова, невозможность поместить её в какие бы то ни было рамки изумляла даже Розанова.

Собственно, в своих размышлениях он передал всё то главное, что заставляло многих задавать вопросы, иногда недоумённые.

Кто Некрасов? Городской он или сельский? Барин или рабобягтя? Делец, не чуждающийся мошенничества, или верный товарищ, бескорыстный помощник?

Однажды, в «Мимолётном. 1914 год» Розанов даже сравнил Некрасова с евангельским «блудным сыном». «Поэзия Некрасова была прекрасно-искренна, ибо непостижимым образом он до смерти оставался в сущности вихрастым 17-летним юношей, с его „конечно“, хитростями и плутовством, которые суть отрицание ordinis и ordinum», то есть (по латыни) порядка и порядков. «Он до конца жизни, до свадьбы с „Зиной“, сам немножко воровал (не имущественно), сам „крал клок сена“ с чужого воза, как никому не принадлежащий бык...

Некрасов особенно возмутил всех литераторов петербургских тем, что был «вне общественных правил», жил с чужими жёнами, «любил до смерти» крестьянских баб, не гнушался проституткой – и вообще замечал острым взглядом всякую проходящую девицу. «Нам этого-то и подавай», – кричат гимназисты и всемирные блудные сыны». Словом, Некрасов «принял энтузиазм самого лучшего, цветущего возраста человечества. Открыл его – Христос. „Блудный сын“ каждого дома в 16 лет».

При всей парадоксальности этого суждения Розанов очень

точно отмечает важнейшую черту человеческого облика Некрасова-поэта. Некрасов преодолел негласно установленное, но издавна утверждённое расстояние между поэтом и читателями, поэтом и обществом. Никогда не поступаюсь своими литературными убеждениями (о пресловутых «неверных звуках» его лиры скажу ниже), он жил как жилось, смолоду отказавшись от всех внешних атрибутов поэта, как они сложились в пору романтизма, – длинный широкий плащ заменил Некрасову красный шарф, связанный его матерью, который он носил многие годы. Попросту говоря, он шёл из жизни в поэзию, а не из поэзии – в жизнь, как это чаще всего бывает.

Да, была у него мечта – вместо воинской службы поступить в университет, но когда не свершилось, не упал духом, не запил, как тысячи, а нашёл выход, спасение в труде. Дворянин стал крепостным от литературы – но через несколько лет, в изнурительных трудах достиг не только достатка, денежной независимости от кого бы то ни было, но и оказался ведущей силой в новом мощном литературном движении – «натуральной школе». А ещё через несколько лет и сам вышел в число первых русских поэтов.

Уже смертельно больным, в 1876 году он сделал набросок стихотворения «Угомонись, моя Муза задорная...», где есть строки:

Как человека забудь меня частного,

Просящая, примирительная интонация кажется здесь несправедливой. Некрасов мог бы смело сказать, что его частная жизнь не была в противоречии с его поэзией.

Известные сопровождавшие Некрасова с молодости и, можно сказать, не смолкающие до сих пор замечания о его двойничестве: мол, едучи после удачной карточной игры в Английском клубе, он плачет и страдает о горькой крестьянской доле, – обличают в злословах людей не просто завистливых, но и духовно убогих. Если вновь вернуться к воспоминаниям Достоевского о Некрасове, то можно заметить: изобразитель незаурядных человеческих характеров, автор восклицания: «Широк человек!», не мог не восхищаться широтой некрасовской натуры, её вместимостью, её открытостью ко всему в мире. Тот же Розанов радовался, выяснив, что к одной тёмной истории присвоения денег Некрасов, как он думал поначалу и не раз упоминал об этом, непричастен: «В моих глазах это – главная тяжесть „всего Некрасова“, и слава Богу, что этот могильный камень отваливается. Нет, он был „Соловей-Разбойничек“, но не Петербургский шулер. Натура лесная, полевая и с интересом к „чужому товарцу“. Но одно дело – обоз разграбить, и другое – объегорить „на векселях“.

Розанов приходит к выводу, к сожалению, до сих пор во многом справедливому, что изучение Некрасова чаще всего

направлено к тому, чтобы «закр^ыть и скр^ыть настоящего Некрасова, нежели объяснить его» в стремлении «стесать в нём острые и непререкаемые углы и приноровить его к общему ходу российской словесности, чтобы он не „выпячивался“ из этого хода». Некрасова «прилизывали» в «благоразумную прогрессивную фигуру», в то время как он «вообще в литературе „разорял“, как совершенно инородный в ней человек, рвал её традиции, рвал её существо». Его сила в его краткости, в умении в «Забывтой деревне» (Розанов приводит в пример это стихотворение) сказать о проблемах крестьянства живее, чем это «в двух томах» делает Гончаров.

«„Некрасовская литература“, – совершенно „дикая“ в отношении всей предыдущей литературы, – страшна и истинна в том, что она есть *подлинная литература подлинной, а не вымышленной Руси* «. Некрасову „как-то удалось дать „стиль всей Руси“... Стиль её – народной, первобытной, почти дохристианской... <<...>> И – бросить всё это против цивилизации, злобно – против цивилизации... Он – будто зверь, бродящий по окраине города в тёмной ночи и щёлкающий зубами на город. И к утру – причесался, прилизался и вошёл в город, но с ночным чувством: сел за стол и начал играть в карты, взял перо и начал писать стихи. И, в сущности, в одном и другом делал одно и то же – ремизил...“.

При этих своих особенностях Некрасов легко вошёл в сознание русского человека многими своими строчками. Говоря об осенней красоте городка, где он жил, Розанов вспоми-

нает Некрасова: «Поздняя осень – грачи улетели» и пишет об «отвратительной литературности русского человека, отвратительной литературности и училищ наших», выражающейся в том, что «лишь вспомнив эту *учебную*, «из хрестоматии», строчку Некрасова, я догадываюсь и впервые *осознаю* о своём отечестве, что и грачи собственно «перелётная птица»...».

Вот он, один из самых глубоких парадоксов Некрасова. Да, тематика множества его произведений открыто социальна, но ведь это совсем не те «физиологические очерки», пусть в стихотворной форме, которые он печатал в своих изданиях 1840-х годов.

Откройте его позднее стихотворение «Утро» (1872-73), и вы увидите, что это своего рода итог всей социальной темы в его творчестве.

*Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю – здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас ницетою
Здесь природа сама заодно...*

Постоянно возникающие в поэзии Некрасова мотивы тоски, скуки, знаменитой хандры он переводит здесь с социального на какой-то планетарный, даже космический уровень. Он отказывается от окончательных объяснений, он поэт, и он просто не верит, что всё происходящее на земле можно объяснить при помощи понятий, исходящих из единых ло-

гических посылок.

В школьных хрестоматиях издавна печатается несколько строчек из стихотворения «Зелёный Шум»:

*Идёт-гудёт Зелёный Шум,
Зелёный Шум, весенний шум!*

*Как молоком облитые,
Стоят сады вишнёвые...*

Все это помнят, учителя любят давать эти строки для заучивания наизусть. Строки прекрасные, да только, к сожалению, после золотой поры малолетства это стихотворение полностью так и не прочитывается. А между тем в нём рассказана одна из самых драматических историй, которые происходили и во времена Некрасова и до, и после, и будут происходить всегда, пока в мире существует семья, чистота чувства, понятия сердечной чести и моральной ответственности.

Муж уехал в столицу, а жена коротко сошлась с другим... И вот проводят они долгую зиму в одной избе, во взаимных страданиях, и муж уже решается на страшный грех:

*Окрепла дума лютая –
Припас я вострый нож...*

Но вдруг... В общем, ничего особого и не произошло:

Да вдруг весна подкралась...

Но именно этот Зелёный Шум (некрасовское пояснение к стихотворению: «Так народ называет пробуждение природы весной») погасил «думу лютую», заменив её песней, которая повсюду слышится герою:

*«Люби, покуда любится
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И – Бог тебе судья!»*

И таких уроков – сдержанных, ненапористых, но очень определённых по своему сердечному настрою – в поэзии Некрасова вдосталь, они погружают шумные лозунги, которые вырывались у поэта, в пространство умиротворения и взаимопонимания.

Тот же Розанов, важный для нас неподкупный литературный судья, исследуя психологический облик Некрасова, устанавливает и показывает на многих примерах, что его «музу мести и печали» отличает прежде всего «*благодущие*» – именно оно „всё-таки небо в нём, а гнев – только облака, проносящиеся по нему“.

Даже в т.н. гражданских стихах «бездна этого же благодушия», основанного на «просто добром чувстве, без всяких осложнений», его «муза мести и печали» «не назойлива»,

«не тягуча», «это был поэт малого гнева», «открытое, простое сердце, без лабиринтов в себе».

Более того, Розанов высказывает предположение, что знаменитые строки: «То сердце не научится любить, // Которое устало ненавидеть» – предостерегающе обращены Некрасовым к «себе и своим» и означают следующее: истерзанное ненавистью сердце уже не способно принять в себя любовь.

Если с этой точки зрения посмотреть на то, что Некрасов называл «неверным звуком» своей музыки, то мы, обладающие исторической памятью о страшном XX веке, признаем, что и поддержка Некрасовым действий русской армии по подавлению социал-радикализма в Царстве Польском, входившем тогда в состав Российской Империи, и стихотворение в честь Осипа Ивановича Комиссарова, помешавшего террористу Каракозову совершить цареубийство, вовсе не составляют предмета для какого-либо покаяния. Да, провокационная социологическая критика переврала и перетолковала эти поступки поэта, начала травить его при жизни и продолжала держать в оболгании долгие-долгие десятилетия, но пора и правду сказать!

А вот то, что Некрасову в своём творчестве удалось соединить, «гальванопластически спаять» «деревню и русского „интеллигента“», почти никто, кроме того же сурового Розанова, и не писал.

Строки

Холодно, странничек, холодно.

Голодно, странничек, голодно,

по мнению Розанова, «дьявольский стих. Который стоит целой литературы. Это он написал, когда зябнул в Английском клубе. Там было ужасно холодно. Но никто не заметил, кроме как поэт Некрасов». Эти строки, «пожалуй, стоят всего Достоевского и изрекли в 2-х строках то, что он изложил в 14 томах». И наконец: «Вообще Некрасов создал *новый тон* стиха. *новый тон чувства*, новый тон и звукговора «.

«Пошлый опыт – ум глупцов», – вырвалось у Некрасова в «Песне Ерёмушке», и всем своим творчеством, всей своей жизнью он, в эпоху как раз опытного знания, торжества позитивизма, от прямолинейного доверия к массе накапливаемых фактов или, скажем, литературных традиций легко отказывался, попросту не замечал их.

О «Мечтах и звуках», дебютном поэтическом сборнике Некрасова, обычно говорят как о творческом провале юного стихотворца. Однако это достаточно упрощённое утверждение: книжка не очень понравилась Белинскому (непрекаемый авторитет для советских историков литературы), но были и одобрительные рецензии. Так, в одной из них говорилось, что «звуки» (умение слагать стихи) у автора «лучше, чем мечты» (пафос, содержание стихотворений). Впрочем, уже тогда, если помнить о дальнейшем, такой дебют было явлением для русской литературы не новым: достаточно

сравнить «Руслана и Людмилу» с «Медным всадником» – перо одно, воплощаемые этим пером идеи имеют совершенно разный вес.

Уже в первых опытах Некрасова формировался его самобытный поэтический язык, система образности, которая в итоге сделала его лирику значимым явлением мировой литературы. В «Мечтах и звуках» привлекает особое отношение автора к оппозиции собственно звуков мира и тишины. Разумеется, это прежде всего *звуки лиры*, поэтического вдохновения; когда их нет, возникает даже не тишина – пустота.

*Бессилен взрыв фантазии свободной,
И сердце жмёт, как камень, пустота.
Он рвётся, ждёт; напрасно всё: ни звука!..*

«Два мгновения»

а когда они, эти поэтические звуки предощущаются, тишина служит лишь своего рода подготовляющей паузой для их торжественного явления:

*Не дай забыть того мгновенья,
Когда в полуночной тиши,
Затворник дум и вдохновенья,
Звучал я, полный восхищенья,
На струнах огненной души...
«Незабвенная»*

Вместе с тем в сборнике появляется и другая тишина – воплощение вечности: *«Тихо кладбище, // Мертвых жилище, // Храм Божий тих...»* («Землетрясение»), особенно выразительная после зазвучавших в стихотворении гула земли, громов, воя, «эха глухого», «скрежетов ада», «тяжких воплей придавленных жертв», грозного звона колоколен и даже потрясающего на фоне вселенского катаклизма «мелкой суетности шума»...

И, наконец, тишина как побуждение к душевной сосредоточенности, к размышлению: *«Сердце плачет в тишине, // Сердце рвётся к вышине...»*; *«Полночь; тихо. Ангел мира // Воцарился над землёй...»* («Ночь»).

Здесь не может не вспомниться восприятие тишины древнерусскими писателями как необходимого условия для успеха любого созидającego деяния.

Творческое развитие смысла первых, интуитивно точных, но художественно еще эскизных образов получило новое качество в поэме Некрасова «Тишина». Произведение, которое пииты нашего века, может быть, назвали бы «Минута молчания», по своему пафосу поднимается высоко над событийной подоплекой: недавно завершившейся Крымской войной.

Можно сказать, тишина переполняет строки поэмы: здесь и *«деревенек тишина»*, и *«война молчит»*, и молчащий Севастополь (*«Люди в той стране //Ещё не верят тишине, // Но*

тихо...»), и «бег коня неслышно-тих», и «русский путь, знакомый путь», который «опять пустынно-тих и мирен», но главное содержание центрального образа, конечно, заключается в строфе:

*Над всей Россией тишина,
Но – не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она.*

Такое духовное наполнение тишины, когда она предстаёт не простым отсутствием звуков, а формой сосредоточения всех сил разума, души и сердца, становится характерным в поэзии Некрасова.

Например, в более позднем стихотворении (или маленькой поэме) «Балет» (1866) он с виртуозностью истинного мастера строит повествовательную композицию, где едко-ироническое («Немы струны карающей лиры, // Вихорь жизни порвал их давно!») изображение зрителей балетного спектакля (тоже ведь бессловесное, хотя и под музыку выражение человеческих страстей), сменяется возвышенной до подлинного трагизма картиной мужицкого обоза, возвращающегося после проводов своих родных в рекруты.

*Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поётся,
Бабы спрятали лица в платки,*

Только вздох иногда пронесётся...

Бесконечно печальна «музыка» этого «каравана с седоками в промёрзлой овчине» : «скрипом, визгом окрестность полна. //Словно до сердца поезд печальный // Через белый покров погребальный // Режет землю – и стонет она, // Стонет белое снежное море...»

Тишина – и безгласность.

Знаменитый Зелёный Шум, «пробуждение природы весной» – и «этот стон у нас песней зовётся»...

Временами сам мастер будто пугался созданного им, так далекого от «мечтаний и звуков» традиционной поэзии, своей собственной, ранней, и писал: «...свой венец терновый приняла, // Не дрогнув, обесславленная Муза // И под кнутом без звука умерла».

Стихотворение «В столицах шум, гремят витии...», которое школьники из-за его краткости особенно охотно учат наизусть, представляет, между тем, не просто публицистический отклик на обсуждение в России грядущих реформ нового императора.

Это ключевое для поэта произведение, где с полной определённой обозначена важнейшая для Некрасова оппозиция между цивилизацией и природой, стихией.

«Тишина» начиналась благодарственными словами: «Спасибо, сторона родная, // За твой врачующий простор!» Здесь же нет каких-либо возвышенных обращений, поэти-

ческий словарь стихотворения почти аскетичен, даже рискованное «целуясь» не выглядит здесь нарушением художественного вкуса. Нет изобразительной перенасыщенности, того словесного мусора, которого в досталь на «словесной войне». Некрасов организует стихотворение на динамических началах, пластические картины сочетаются у него с созданием звукового рисунка двух миров. (Речь идёт не о звукописи.)

В одном мире – «шум», гром («гремят»), «словесная война» (вспомним ещё библейское предостережение о «ветре слов»!). Но этот гремящий мир окружён миром «вековой тишины». И тишины одушевлённой, тишины духовной, она приемлет движение ветра (не «ветра слов»!), шум деревьев, ив (как вновь не вспомнить «Зелёный Шум»), шорох колошей...

И это – «во глубине России».

Здесь вновь напоминание: хорошо известное каждому в прошлом веке, да теперь и нам, грешным, начало покаянного псалма, читавшегося как отходная молитва над умирающим: «Из глубин я воззвал к тебе, Господи!..» Так эти девять строчек, обошедшиеся без восклицательных знаков, вызывают к россиянам о судьбе их «бесконечных нив», как об их собственной судьбе...

Самой красноречивой оказалась «вековая тишина».

Поэзия вывела своего читателя к жизни, к Правде бытия, и тем выполнила своё главное предназначение: укрепила –

своими силами – человека в его духовном поиске.

Сергей ДМИТРЕНКО

СМЕРТИ

Не приходи в часы волнений,
Сердечных бурь и мятежей,
Когда душа огнем мучений
Сгорает в пламени страстей.

Не приходи в часы раздумья,
Когда наводит демон зла,
Вливая в сердце яд безумья,
На нечестивые дела;

Когда внушеньям духа злого,
Как низкий раб, послушен ум,
И ничего в нем нет святого,
И много, много грешных дум.

Закон озлобленного рока,
Смерть, надо мной останови
И в черном рубище порока
Меня на небо не зови!

Не приходи тогда накинуть
Оков тяжелых на меня:
Мне будет жалко мир покинуть,
И робко небо встречу я...

Приди ко мне в часы забвенья
И о страстях и о земле,
Когда святое вдохновенье
Горит в груди и на челе;

Когда я, дум высоких полный
Безгрешен сердцем и душой,

И бурной суетности волны
Меня от жизни неземной
Увlechь не в силах за собой;

Когда я мыслью улетаю
В обитель к горнему царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю.

Я близок к небу – смерти время!
Нетруден будет переход;
Душа, покинув жизни бремя,
Без страха в небо перейдет...

СМУГЛЯНКЕ

Черны, черны тени ночи,
Но черней твоя коса
И твои живые очи,
Ненаглядная краса.
Если вестниками бури,
Кроя свет дневных лучей,
Ходят тучи по лазури –
Это тень твоих очей!
Если вспыхнут метеоры
Над поверхностью земли –
Их твои, о дева, взоры
Огнемётные зажгли!
Если молнья ярким блеском
На мгновенье вспыхнет там
И промчится с гордым треском
Гром по мрачным высотам,
Эта молнья – жар дыханья
Томных уст твоих, краса;
Гул отзвучный их лобзанья –
Разъяренная гроза.
Вся ты – искры бурной Этны
Да чудесный черный цвет;
Нет ни бледности бесцветной,
Ни румянца в тебе нет.

Лишь меняет буря гнева
Да любовь твои черты.
Черноогненная дева,
Счастлив, кем пленилась ты!
Как люблю я, как пылаю!
Но как часто за тобой
Взор ревнивый устремляю.

Ах, ужель?.. нет, боже мой!
Страшно мыслить!., прочь сомненье!
Ты верна. Но, о судьба!
Если вдруг души влечение...
Страсть... безумие... борьба?

Ах! молю – когда измену
Ты замыслишь, приходи,
Вольной страсти перемену
Расскажи мне на груди:
Обниму тебя, тоскуя,
Загорюсь от поцалую
И, страдания тая,
Перед смертью скажу я:
»За Ленору умер я!«

НАШ ВЕК

Свет похож на торг, где вечно,
Надувать других любя,
Человек бесчеловечно
Надувает сам себя.
Все помешаны формально.
Помешался *сей* на том,
Что, потея, лист журнальный
Растянуть не мог на том;
Тот за устрицу с лимоном
Рад отдать и жизнь и честь;
Бредит тот Наполеоном
И успел всем надоесть.
Тот под пресс кладет картофель,
Тот закладывает дом,
Тот, как новый Мефистофель,
Щеголяет злым пером.
Тот надут боярской спесью,
Тот надут своей женой;
Тот чинам, тот рифмобесью
Предан телом и душой.
У того карман толстеет
Оттого, что тонок сам,
Что журнал его худеет
Не по дням, а по часам.

Тот у всей литературы
Снял на откуп задний двор,
С журналистом шуры-муры
Свел – и ну печатать вздор.
Тот мудрец, тот тонет в грезах,
Тот состряпал экипаж
И со славой на колесах
Трехсаженных марш, марш, марш!
От паров весь свет в угаре,
Всё пошло от них вверх дном;
Нынче всякому на паре
Ездить стало нипочем.
Ум по всем концам Европы
К изобретеньям прилип,
Телеграфы, микроскопы,
Газ, асфальт, дагерротип,
Светописные эстампы,
Переносный сжатый газ,
Гальванические лампы,
Каучуковый атлас,
Паровозы, пароходы,
Переносные дома,
Летоходы, весоходы,
Страховых компаний тьма!
Пневматические трубы,
Стеарин и спермацет,
Металлические зубы
Сбили с толку белый свет.
Доктора свои находки

Сыплют щедрою рукой,
Лечат солью от чахотки
И водой от водяной;
В бога здоровья тянут воду,
Воду всем тянуть велят
И, того гляди, природу
От сухотки уморят;
Водяная медицина
Наводнила целый свет,
Пациентам же от сплина
В кошельке – лекарства нет...
С быстротою паровоза
Совершенствуется век;
Ни пожара, ни мороза
Не боится человек.
Что для нас потоп, засухи?!
Есть такие лихачи,
Из воды – выходят сухи,
Из огня – не горячи.
В деле разные языки,
Руки, ноги, голова;
Все мы мудры, все велики,
Всё нам стало трын-трава.
Нет для нас уж тайны в море:
Были на его мы дне;
Кто же знает? Может, вскоре
Побываем на луне.
А потом, как знать! с терпеньем
Где не будет человек?..

Малый с толком, с просвещеньем
Далеко пойдет наш век!..

ПЬЯНИЦА

Жизнь в трезвом положении
Куда нехороша!
В томительном борении
Сама с собой душа,
А ум в тоске мучительной...
И хочется тогда
То славы соблазнительной,
То страсти, то труда.
Всё та же хата бедная –
Становится бедней,
И мать – старуха бледная –
Еще бледней, бледней.
Запуганный, задавленный,
С поникшей головой,
Идешь как обесславленный,
Гнушаясь сам собой;
Сгораешь злобой тайною...
На скудный твой наряд
С насмешкой неслучайною
Все, кажется, глядят.
Всё, что во сне мерещится,
Как будто бы назло,
В глаза вот так и мечется
Роскошно и светло!

Всё – повод к искушению,
Всё дразнит и язвит
И руку к преступлению
Нетвердую манит...
Ах! если б часть ничтожную!
Старушку полечить,
Сестрам бы не роскошную
Обновку подарить!
Стряхнуть ярмо тяжелого,
Гнетущего труда, –
Быть может, буйну голову
Сносил бы я тогда!
Покинув путь губительный,
Нашел бы путь иной
И в труд иной – свежительный –
Поник бы всей душой.
Но мгла отвсюду черная
Навстречу бедняку...
Одна открыта торная
Дорога к кабаку.

СОВРЕМЕННАЯ ОДА

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И – беру небеса во свидетели –
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даром и гадины,
Ты помочь и злодею готов,
И червонцы твои не украдены
У сирот беззащитных и вдов.

В дружбу к сильному влезть не желаешь ты,
Чтоб успеху делишек помочь,
И без умыслу с ним оставляешь ты
С глазу на глаз красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породой:
»Братья нам по Христу мужички!»
И родню свою длиннобородую
Не гоняешь с порога в толчки.

Не спрошу я, откуда явилось,
Что теперь в сундуках твоих есть;
Знаю: с неба к тебе всё свалилось
За твою добродетель и честь!..

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И – беру небеса во свидетели –
Уважаю тебя глубоко...

* * *

Когда из мрака заблужденья
Горячим словом убежденья
Я душу падшую извлек,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавший порок;

Когда, забывчивую совесть
Воспоминанием казня,
Ты мне передавала повесть
Всего, что было до меня;

И вдруг, закрыв лицо руками,
Стыдом и ужасом полна,
Ты разрешилася слезами,
Возмущена, потрясена, –

Верь: я внимал не без участия,

Я жадно каждый звук ловил...
Я понял всё, дитя несчастья!
Я всё простил и всё забыл.

Зачем же тайному сомнению
Ты ежечасно предана?
Толпы бессмысленному мненью
Ужель и ты покорена?

Не верь толпе – пустой и лживой,
Забудь сомнения свои,
В душе болезненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и бесплодно,
Не пригревай змеи в груди
И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди!

ОГОРОДНИК

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь, –
Я свой век загубил за девицу-красу,
За девицу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работал по весне,
Вот однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне,
Смотрит в оба да слушает песню мою.

По торговым селам, по большим городам
Я недаром живал, огородник лихой,
Раскрасавиц девиц насмотрелся я там,
А такой не видал, да и нету другой.

Черноброва, статна, словно сахар бела!..
Стало жутко, я песни своей не допел.
А она – ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней как шальной я глядел.

Я слышал на селе от своих молодиц,
Что и сам я пригож, не уродом рожден, –
Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц,
У меня ль, молодца, кудри – чесаный лен...

Разыгралась душа на часок, на другой...
Да как глянул я вдруг на хоромы ее –
Посвистал и махнул молодецкой рукой,
Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
Погулять, посмотреть на работу мою
И смеялась со мной и вела разговор:
Отчего приуныл? что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
Только буйную голову свешу на грудь...
»Дай-ка яблоньку я за тебя посажу,
Ты устал, – чай, пора уж тебе отдохнуть».

– Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часок. –
Да как заступ брала у меня, смеючись,
Увидала на правой руке перстенок...

Очи стали темней непогодного дня,
На губах, на щеках разыгралась кровь.
– Что с тобой, госпожа? Отчего на меня
Неприветно глядишь, хмуришь черную бровь?

«От кого у тебя перстенок золотой?»
– Скоро старость придет, коли будешь всё знать
»Дай-ка я погляжу, несговорный какой!» –

И за палец меня белой рученькой хватать!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
Я давал – не давал золотой перстенок...
Я вдруг вспомнил опять, что и сам я пригож,
Да не знаю уж как – в щеку девицу чмок!..

Много с ней скоротал невозвратных ночей
Огородник лихой... В ясны очи глядел,
Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
Цаловал-миловал, песни волжские пел.

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
А под утро мороз под ногами хрустит.
Вот однажды, как я крался в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо: «Держи вора!» – кричит.

Со стыдом молодца на допрос привели,
Я стоял да молчал, говорить не хотел...
И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетьюми, и уводят дружка
От родной стороны и от лапушки прочь
На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

ТРОЙКА

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу –
Всё лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченьясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни, – появится вдруг
Выраженьё тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдёшь ты тяжёлый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу

Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, –
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

РОДИНА

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов,
Где было суждено мне божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, доременно растленной,
Так рано отлетел покой благословенный,
И ребяческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег...
Воспоминания дней юности – известных
Под громким именем роскошных и чудесных, –
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной...

Вот темный, темный сад... Чей лик в аллее дальней
Мелькает меж ветвей, болезненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубил... о! знаю, знаю я!..
Навеки отдана угрюмому невежде,

Не предавалась ты несбыточной надежде –
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы...
Но знаю: не была душа твоя бесстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И всё, что вынести в тебе достало сил,
Предсмертный шепот твой губителю простил!..
И ты, делившая с страдальницей безгласной
И горе и позор судьбы ее ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей!
Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
Тому, которого не знала, не любила...
Но, матери своей печальную судьбу
На свете повторив, лежала ты в гробу
С такой холодной и строгою улыбкой,
Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой.

Вот серый, старый дом... Теперь он пуст и глух:
Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг, –
А встарь?.. Но помню я: здесь что-то всех давило,
Здесь в малом и в большом тоскливо сердце ныло.
Як няне убежал... Ах, няня! сколько раз
Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;
При имени ее впадая в умиление,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?..

Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,

И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но всё, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым, –
Всему начало здесь, в краю моем родимом!..

И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор –
В томящий летний зной защита и прохлада, –
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понутив голову над высохшим ручьем,
И набок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил...

ПСОВАЯ ОХОТА

Провидению угодно было создать человека так, что ему нужны внезапные потрясения, восторг, порыв и хотя мгновенное забвение от житейских забот; иначе, в уединении, грубеет нрав и вселяются разные пороки.

Реутт. Псовая охота

1

Сторож вокруг дома господского ходит,
Злобно зевает и в доску колотит.

Мраком задернуты небо и даль,
Ветер осенний наводит печаль;

По небу тучи угрюмые гонит,
По полю листья – и жалобно стонет...

Барин проснулся, с постели вскочил,
В туфли обулся и в рог затрубил.

Вздروгнули сонные Ваньки и Гришки,
Вздروгнули все – до грудного мальчишки.

Вот, при дрожащем огне фонарей,
Двигутся длинные тени псарей.

Крик, суматоха!.. ключи зазвенели,
Ржавые петли уныло запели;

С громом выводят, поят лошадей,
Время не терпит – седлай поскорей!

В синих венгерках на заячьих лапках,
В остроконечных, неслыханных шапках

Слуги толпой подъезжают к крыльцу.
Любо глядеть – молодец к молодцу!

Хоть и худеньки у многих подошвы –
Да в сертуках зато желтые прошвы,

Хоть с толокна животы подвело –
Да в позументах под каждым седло,

Конь – загляденье, собачек две своры,
Пояс черкесский, арапник и шпоры.

Вот и помещик. Долой картузы!
Молча он крутит седые усы,

Грозен осанкой и пышен нарядом,

Молча поводит властительным взглядом.

Слушает важно обычный доклад:
»Змейка издохла, в забойке Набат,

Сокол сбесился, Хандра захромала».
Гладит, нагнувшись, любимца Нахала,

И, сладострастно волнуясь, Нахал
На спину лег и хвостом завилял.

2

В строгом порядке, ускоренным шагом
Едут псари по холмам и оврагам.

Стало светать; проезжают селом –
Дым поднимается к небу столбом,

Гонится стадо, с мучительным стоном
Очеп скрипит (запрещенный законом);

Бабы из окон пугливо глядят,
»Глянь-ко, собаки!» – ребята кричат...

Вот поднимаются медленно в гору.

Чудная даль открывается взору:

Речка внизу, под горою, бежит,
Инеем зелень долины блестит,

А за долиной, слегка беловатой,
Лес, освещенный зарей полосатой.

Но равнодушно встречают псаря
Яркую ленту огнистой зари,

И пробужденной природы картиной
Не наслаждался из них ни единый.

«В Банники, – крикнул помещик, – набрось!»
Борзовщики разъезжаются врозь,

А предводитель команды собачьей,
В острове скрылся крикун-доезжачий.

Горло завидное дал ему бог:
То затрубит оглушительно в рог,

То закричит: «Добирайся, собачки!
Да не давай ему, вору, потачки!»

То заорет: «Го-го-го! – ту! –ту!! –ту!!!»
Вот и нашли – залились на следу.

Варом-варит закипевшая стая,
Внемлет помещик, восторженно тая,

В мощной груди занимается дух,
Дивной гармонией нежится слух!

Однопометников лай музыкальный
Душу уносит в тот мир идеальный,

Где ни уплат в Опекунский совет,
Ни беспокойных исправников нет!

Хор так певуч, мелодичен и ровен,
Что твой Россини! что твой Бетховен!

3

Ближе и лай, и порсканье, и крик –
Вылетел бойкий русак-материк!

Гикнул помещик и ринулся в поле...
То-то раздолье помещичьей воле!

Через ручьи, буераки и рвы
Бешено мчится: не жаль головы!

В бурных движеньях – величие власти,
Голос проникнут могуществом страсти.

Очи горят благородным огнем –
Чудное что-то свершилось в нем!

Здесь он не струсит, здесь не уступит,
Здесь его Крез за мильоны не купит!

Буйная удаль не знает преград,
Смерть иль победа – ни шагу назад!

Смерть иль победа! (Но где ж, как не в буре
И развернуться славянской натуре?)

Зверь отседает – и в смертной тоске
Плачет помещик, припавши к луке.

Зверя поймали – он дико кричит,
Мигом отпазончил, сам торочит,

Гордый удачей любимой потехи,
В заячий хвост отирает доспехи

И замирает, главу преклоня
К шее покрытого пеной коня.

Много травили, много скакали,
Гончих из острова в остров бросали,

Вдруг неудача: Свиреп и Терзай
Кинулись в стадо, за ними Ругай,

Следом за ними Угари Замашка –
И растерзали в минуту барашка!

Барин велел возмутителей сечь,
Сам же держал к ним суровую речь.

Прыгали псы, огрызались и выли
И разбежались, когда их пустили.

Рёвма-ревет злополучный пастух,
За лесом кто-то ругается вслух.

Барин кричит: «Замолчи, животное!»
Не понимает бойкий детина.

Барин озлился и скачет на крик,
Струсил – и валится в ноги мужик.

Барин отъехал – мужик встрепенулся,
Снова ругается; барин вернулся,

Барин арапником злобно махнул –
Гаркнул буян: «Караул, караул!»

Долго преследовал парень побитый
Барина бранью своей ядовитой:

«Мы-ста тебя взбутетением дубьем
Вместе с горластым твоим холуем!»

Но уже барин сердитый не слушал,
К стогу подсевши, он рябчика кушал,

Кости Нахалу кидал, а псарям
Передал фляжку, отведавши сам.

Пили псари – и угрюмо молчали,
Лошади сено из стога жевали,

И в обагренные кровью усы
Зайцев лизали голодные псы.

Так отдохнув, продолжают охоту,
Скачут, порскают и травят без счету.

Время меж тем незаметно идет,
Пес изменяет, и конь устает.

Падает сизый туман на долину,
Красное солнце зашло вполовину,

И показался с другой стороны
Очерк безжизненно-белой луны.

Слезли с коней; поджидают у стога,
Гончих сбивают, сзывают в три рога,

И повторяются эхом лесов
Дикие звуки нестройных рогов.

Скоро стемнеет. Ускоренным шагом
Едут домой по холмам и оврагам.

При переправе чрез мутный ручей,
Кинув поводья, поят лошадей –

Рады борзые, довольны тявкуши:
В воду залезли по самые уши!

В поле завидев табун лошадей,
Ржет жеребец под одним из псарей...

Вот наконец добрались до ночлега.
В сердце помещика радость и нега –

Много загублено заячьих душ.
Слава усердному гону тявкуш!

Из лесу робких зверей выбивая,
Честно служила ты, верная стая!

Слава тебе, неизменный Нахал, –
Ты словно ветер пустынный летал!

Слава тебе, резвоножка Победка!
Бойко скакала, ловила ты метко!

Слава усердным и бурным коням!
Слава выжлятнику, слава псарям!

6

Выпив изрядно, поужинав плотно,
Барин отходит ко сну беззаботно,

Завтра велит себя раньше будить.
Чудное дело – скакать и травить!

Чуть не полмира в себе совмещая,
Русь широко протянулась, родная!

Много у нас и лесов и полей,
Много в отечестве нашем зверей!

Нет нам запрета по чистому полю
Тешить степную и буйную волю.

Благо тому, кто предастся во власть
Ратной забаве: он ведает страсть,

И до седин молодые порывы
В нем сохранятся, прекрасны и живы,

Черная дума к нему не зайдет,
В праздном покое душа не заснет.

Кто же охоты собачьей не любит,
Тот в себе душу заспит и погубит.

ПРИМЕЧАНИЯ К «ПСОВОЙ ОХОТЕ»

Змейка, Набат, Сокол, Хандра, Нахал и далее употребляющиеся в этой пьесе названия – *Свиреп, Терзай, Ругай, Угар, Замашка, Победка* – собачьи клички.

Так называется снаряд особого устройства, имеющий в спокойном положении форму неправильного треугольника. С помощью этого снаряда в некоторых наших деревнях достают воду из колодцев, что производится с раздирающим душу скрипом.

Банники – название леска.

Набрасывать – техническое выражение: спускать гончих в остров для отыскания зверя (остров – отъемный лес, удобный, по положению своему, для охотников). Набрасывает гончих обыкновенно так называемый доезжачий; бросив в остров, он поощряет их порсканьем (порскать – значит у охотников криками понуждать гончих к отысканию зверя и подбивать всю стаю на след, отысканный одною) и вообще содержит в неослабном повиновении своему рогу и арапнику. Помощник его называется подъезжим. При выезде из дому или переходе от одного острова к другому соблюдается обыкновенно такой порядок: впереди доезжачий, за ним стая гончих, а за нею подъезжий, всегда готовый с криком: «В кучу!» – хлестнуть арапником собаку, отбившуюся от стаи, – а за ним уже барин и остальные борзовщики. Обязанность борзовщика – стеречь зверя с борзыми близ острова, перемещая место по направлению движения стаи. В уменье выбрать хорошую позицию, выждать зверя, выгнанного наконец гончими из острова, хорошо принять его (т. е. вовремя показать собакам) и хорошо потравить – заключается главная задача охотника и великий источник его наслаждения.

См. примеч. 4.

См. примеч. 4.

Варом-варит – техническое выражение – употребляется, когда гонит вся стая дружно, с неумолкающим лаем и заливаньем, что бывает, когда собаки попадут на след только что вскочившего зайца (называемый горячим следом) или когда зверь просто у них в виду. В последнем случае говорится: гонят по зрячему, и гон бывает в полном смысле неистовый. При жарком и дружном гоне хорошо подобранной стаи голоса гончих сливаются в довольно стройную и не чуждую дикой приятности гармонию, для охотников ни с чем не сравнимую.

Зверь отседает – говорят, когда заяц, уже нагнанный борзыми, вдруг оставляет их далеко за собою, обманув неожиданным уклонением в сторону, прыжком вверх или другим каким-нибудь хитрым и часто разительным движением. Иногда, например, он бросается просто к собакам; собаки с разбега пронесутся вперед, и, когда попадут на новое направление зайца, он уже далеко.

ОтпазОнчить – отрезать задние лапы в среднем суставе.

Торочить, приторачивать – привязывать зайца к седлу, для чего при охотничьих седлах находятся особенные ремешки, называемые тороками.

См. примеч. 4.

Тявкуша – то же, что гончая, иногда также называются выжлецами (в женск. – выжловка); от этого слова доезжачий,

заправляющий ими, называется еще *выжлятником*.

* * *

(Подражание Лермонтову)

В неведомой глуши, в деревне полудикой
Я рос средь буйных дикарей,
И мне дала судьба, по милости великой,
В руководители псарей.
Вокруг меня кипел разврат волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубые черты.
И прежде, чем понять рассудком неразвитым,
Ребенок, мог я что-нибудь,
Проник уже порок дыханьем ядовитым
В мою младенческую грудь.
Застигнутый врасплох, стремительно и шумно
Я в мутный ринулся поток
И молодость мою постыдно и безумно
В разврате безобразном сжег...
Шли годы. Оторвав привычные объятья
От негодующих друзей,
Напрасно посылал я поздние проклятья
Безумству юности моей.

Не вспыхнули в груди растраченные силы –
Мой ропот их не пробудил;
Пустынной тишиной и холодом могилы
Сменился юношеский пыл,
И вновый путь, с хандрой, болезненно развитой,
Пошел без цели я тогда
И думал, что душе, доременно убитой,
Уж не воскреснуть никогда.

Но я тебя узнал... Для жизни и волнений
В груди проснулось сердце вновь:
Влиянье ранних бурь и мрачных впечатлений
С души изгладила любовь...
Во мне опять мечты, надежды и желанья...
И пусть меня не любишь ты,
Но мне избыток слез и жгучего страданья
Отрадней мертвой пустоты...

ПРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

1

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
Жена моя, закрыв лицо вуалью,
Под вечерок к любовнику пошла.
Я в дом к нему с полицией прокрался
И уличил... Он вызвал – я не дрался!
Она слегла в постель и умерла,
Истерзана позором и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

2

Приятель в срок мне долга не представил.
Я, намекнув по-дружески ему,
Закону рассудить нас предоставил;
Закон приговорил его в тюрьму.
В ней умер он, не заплатив алтына,

Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долг ему простил того ж числа,
Почтив его слезами и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

3

Крестьянина я отдал в повара,
Он удался; хороший повар – счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имел: любил читать и рассуждать.
Я, утомясь грозить и распекать,
Отчески посекал его, каналью;
Он взял да утопился: дурь нашла!
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

4

Имел я дочь; в учителя влюбилась
И с ним бежать хотела сгоряча.
Я погрозил проклятьем ей: смирилась

И вышла за седого богача.
Их дом блестящ и полон был как чаша;
Но стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша
И через год в чахотке умерла,
Сразив весь дом глубокою печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла...

* * *

Еду ля ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день –
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты – другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась – ушла ты на волю,
Да не на радость сошла и со мной...

Помнишь ли день, как, больной и голодный,
Я унывал, выбивался из сия?
В комнате нашей, пустой и холодной,

Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему.
Он не смолкал – и пронзительно звонок
Был его крик... Становилось темней;
Вдоволь поплакал и умер ребенок...
Бедная! слез безрассудных не лей!
С горя да с голоду завтра мы оба
Так же глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин, с проклятьем, три гроба –
Вместе свезут и положат рядком...

В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоём совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили...
Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,
Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,

Только угрюм и озлоблен я был...

Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной
И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятия
Именем страшным тебя назовут,
Только во мне шевельнутся проклятья –
И бесполезно замрут!...

* * *

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понутив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцалуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки

Так голубят и гладят меня, –

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко спошу
И вперед – в это темное море –
Без обычного страха гляжу...

* * *

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

* * *

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и нежившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,

Еще остаток чувства сохранившим, –
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты –
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она недалеко:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

* * *

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Всё, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир – и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участия...

* * *

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства?
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе –
Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,

И современники ему
При жизни памятник готовят...

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающей лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря и не веря вновь
Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья, —

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его кланут

И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он – ненавидя!

ФИЛАНТРОП

Частью по глупой честности,
Частью по простоте,
Пропадаю в неизвестности,
Пресмыкаюсь в нищете.
Место я имел доходное,
А доходу не имел:
Бескорыстье благородное!
Да и брать-то не умел.
В Провиантскую комиссию
Поступивши, например,
Покупал свою провизию –
Вот какой миллионер!
Не взывайте! честность ярая
Одолела до ногтей;
Даже стыдно вспомнить старое –
Ведь имел уж и детей!
Сожалели по Житомиру:
»Ты-де нищим кончишь век
И семейство пустишь но миру,
Беспокойный человек!«
Я не слушал. Сожаления
В недовольство перешли,
Оказались упущения,
Подвели – и упекли!

Совершилось пророчество
Благомыслящих людей:
Холод, голод, одиночество,
Переменчивость друзей –
Всё мы, бедные, извели,
Чашу выпили до дна:
Плачут дети – не обедали, –
Убивается жена,
Проклинает поведение
Гордость глупую мою;
Я брожу как привидение,
Но – свидетель бог – не пью!
Каждый день встаю ранехонько,
Достаю насущный хлеб...
Так мы десять лет ровнехонько
Бились, волею судеб.

Вдруг – известье незабвенное! –
Получаю письмецо,
Что в столице есть отменное,
Благородное лицо;
Муж, которому подобного,
Может быть, не знали вы,
Сердца ангельски незлобного
И умнейшей головы.
Славен не короной графскою,
Не приездом ко двору,
Не звездою Станиславского,
А любовь к добру, –

О народном просвещении,
Соревнуя, генерал
В популярном изложении
Восемь томов написал.
Продавал в большом количестве
Их дешевле пятака,
Вразумить об электричестве
В них стараясь мужика.

Словно с равными беседуя,
Он и с нищими учтив,
Нам терпенье проповедуя,
Как Сократ красноречив.

Он мое же поведение
Мне как будто объяснил,
И ко взяткам отвращение
Я тогда благословил;
Перестал стыдиться бедности:
Да! лохмотья нищеты
Не свидетельство зловерности,
А скорее правоты!
Снова благородной гордости
(Человек самолюбив),
Упования и твердости
Я почувствовал прилив.
»Нам господь послал спасителя, –
Говорю тогда жене, –
Нашим крошкам покровителя!«

И бедняжка верит мне.
Горе мы забвенью предали,
Сколотили сто рублей,
Всё как следует разведали
И в столицу поскорей.

Прикатили прямо к сроднику,
Не пустил – ступай в трактире
Помолился я угоднику,

Поначистил свой мундир
И пошел... Путем-дорогою,
Чтоб участие привлечь,
Я всю жизнь мою убогую
Совместил в такую речь:

«Оттого-де ныне с голоду
Умираю словно тварь,
Что был глуп и честен смолоду,
Знал, что значит бог и царь.
Не скажу: по справедливости
(Невелик я генерал),
По ребяческой стыдливости
Даже с правого не брал –
И погиб... Я горе мыкаю,
Я работаю за двух,
Но не чаркой – вашей книгою
Подкрепляю слабый дух,
Защитите!..»

Не заставили
Ждать минуты ни одной.
Вот в приемную поставили,
Доложили чередой.
Вот идет его сиятельство, –
Я сробел; чуть жив стою;
Впал в тупое замешательстве
И забыл всю речь свою.
Тер и лоб и переносицу,
В потолок косил глаза,
Бормотал лишь околёсицу,
А о деле – ни аза!
Изумились, брови сдвинули:
»Что вам нужно?» – говорят.
– Нужно мне... – Тут слезы хлынули
Совершенно невпопад.
Просто вещь непостижимая
Приключилась со мной:
Грусть, печаль неудержимая
Овладела всей душой.
Всё, чем жизнь богата с младости
Даже в нищенском быту, –
Той поры счастливой радости,
Попросту сказать: мечту –
Всё, что кануло и сгнуло
В треволненьях жизни сей,
Всё я вспомнил, всё прихлынуло
К сердцу... Жалкий дуралей!
Под влиянием прошедшего,

В грудь ударив кулаком,
Взвыл я вроде сумасшедшего
Пред сиятельным лицом!

Все такие обстоятельства
И в мундиришке изъяз
Привели его сиятельство
К заключенью, что я пьян.
Экзекутора, холопа ли
Попрекнули, что пустил,
И ногами так затопали...
Я лишился чувств и сил!
Жаль, одним не осчастливили –
Сами не дали пинка...
Пьяницу с почетом вывели
Два огромных гайдука.
Словно кипятком ошпаренный,
Я бежал, не слыша ног,
Мимо лавки пивоваренной,
Мимо погребальных дрог,
Мимо магазина швейного,
Мимо бань, церквей и школ,
Вплоть до здания питейного –
И уж дальше не пошел!
Дальше нечего рассказывать!
Минет сорок лет зимой,
Как я щеку стал подвязывать,
Отморозивши хмельной.
Чувства словно как заржавели,

Одолела страсть к вину;
Дети пьяницу оставили,
Схоронил давно жену.
При отшествии к родителям,
Хоть кротка была весь век,
Попрекнула покровителем.
Точно: странный человек!
Верст на тысячу в окружности
Повестят свой добрый нрав,
А осудят по наружности:
Неказист – так и неправ!
Пишут, как бы свет весь заново
К общей пользе изменить,
А голодного от пьяного
Не умеют отличить...

БУРЯ

Долго не сдавалась Любушка-соседка,
Наконец шепнула: «Есть в саду беседка

Как темнее станет – понимаешь ты?..»
Ждал я, исстрадался, ночки-темноты!

Кровь-то молодая; закипит – не шутка!
Да взглянул на небо – и поверить жутко!

Небо обложилось тучами кругом....
Полил дождь ручьями – прокатился гром!

Брови янахмурил и пошел угрюмый –
»Свидеться сегодня лучше ине думай!

Люба белоручка, Любушка пуглива,
В бурю за ворота выбежать ей вдиво;

Правда, не была бы буря ей страшна,
Если б... да настолько любит ли она?..»

Без надежды, скучен прихожу вбеседку,
Прихожу и вижу – Любушку-соседку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мне заботы обсушить голубку!

Да зато стой ночи я бровей не хмурю,
Только усмехаюсь, как слышу бурю...

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень, Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
»Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других – и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
– Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге – не ест и не пьет,
Червь ему сердце большое сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою.

ВЛАС

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас – старик седой.

На груди икона медная;
Просит он на божий храм, –
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;

Да с железным наконешником
Палка длинная в руке...
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике

Бога не было; побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет!

Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кашеём-мужиком;
Нрава был крутого, строгого...
Наконец и грянул гром!

Власу худо; кличет знахаря –
Да поможешь ли тому,
Ктоснимал рубашку спахаря,
Крал у нищего суму?

Только пуще всё неможется.
Год прошел – а Влас лежит,
И построить церковь божится,
Если смерти избежит.

Говорят, ему видение
Всё мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду;

Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы – видом черные
И как углие глаза,

Крокодилы, змии, скорпии
Припекают, режут, жгут...
Воют грешники в прискорбии,

Цепи ржавые грызут.

Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад,
И кружит над ними с хохотом
Черный тигр-шестокрылат.

Те на длинный шест нанизаны,
Те горячий лижут пол...
Там, на хартиях написаны,
Влас грехи свои прочел...

Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет...
Внял господь – и душу грешную
Воротил на вольный свет.

Роздал Влас свое имение,
Сам остался бос и гол
И собирать на построение
Храма божьего пошел

С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается –
Строго держит свой обет.

Сила вся души великая
В дело божие ушла,

Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...

Полон скорбью неутешною,
Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.

Нет ему пути далекого:
Был у матушки Москвы,
И у Каспия широкого,
И у царственной Невы.

Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой всё говорит
И железною веригою
Тихо на ходу звенит.

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары, —

И дают, дают прохожие...
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы Оожии
По лицу земли родной...

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

1

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лесу попросила.
Отвечал: нет лесу, и не жди – не будет!
»Вот приедет барин – барин нас рассудит,
Барин сам увидит, что плоха избушка,
И велит дать лесу», – думает старушка.

2

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером.
»Вот приедет барин: будет землемерам! –
Думают крестьяне. – Скажет барин слово –
И землицу нашу отдадут нам снова».

3

Полюбил Наташу хлебопашец вольный,
Да перечит девке немец сердобольный,
Главный управитель. «Погодим, Игната,
Вот приедет барин!» – говорит Наташа.
Малые, большие – дело чуть за спором –
»Вот приедет барин!» – повторяют хором...

4

Умерла Ненила; на чужой землице
У соседа-плута – урожай сторицей;
Прежние парнишки ходят бородаты;
Хлебопашец вольный угодил в солдаты,
И сама Наташа свадьбой уж не бредит...
Барина всё нету... барин всё не едет!

5

Наконец однажды среди дороги

Шестернею цугом показались дроги;
На дорогах высоких гроб стоит дубовый,
А в гробу-то барин; а за гробом – новый.
Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету – и уехал в Питер,

* * *

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали.
Один я умираю – и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!
Мне самому, как скрип тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Всему конец. Ненастьем и грозою
Мой темный путь недаром омрача,
Не просветлеет небо надо мною,
Не бросит в душу теплого луча...

Волшебный луч любви и возрождения!
Я звал тебя – во сне и наяву,
В труде, в борьбе, на рубеже паденья

Я звал тебя, – теперь уж не зову!

Той бездны сам я не хотел бы видеть,
Которую ты можешь осветить...
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

* * *

Где твое личико смуглое
Нынче смеется, кому?
Эх, одиночество круглое!
Не посулю никому!

А ведь, бывало, охотно
Шла ты ко мне вечерком?
Как мы с тобой беззаботна
Веселы были вдвоем!

Как выражала ты живо
Милые чувства свои!
Помнишь, тебе особенно
Нравились зубы мои;

Как любовалась ты ими,
Как целовала, любя!

Но и зубами моими
Не удержал я тебя...

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

Гражданин (входит)

Опять один, опять суров,
Лежит – и ничего не пишет.

Поэт

Прибавь: хандрит и еле дышит –
И будет мой портрет готов.

Гражданин

Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь...

Поэт

Так что же?

Гражданин
Да глядеть обидно.

Поэт

Ну, так уйди.

Гражданин

Послушай: стыдно!

Пора вставать! Ты знаешь сам,

Какое время наступило;

В ком чувство долга не остыло,

Кто сердцем неподкупно прям,

В ком дарованье, сила, меткость,

Тому теперь не должно спать...

Поэт

Положим, я такая редкость,

Но нужно прежде дело дать.

Гражданин

Вот новость! Ты имеешь дело,

Ты только временно уснул,

Проснись: громи пороки смело...

Поэт

А! знаю: «Вишь, куда метнул!»

Но я обстрелянная птица.

Жаль, нет охоты говорить.

(Берет книгу.)

Спаситель Пушкин! – Вот страница:
Прочти – и перестань корить!

Гражданин (читает)

«Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв».

Поэт (с восторгом)

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с Музою моей
Я был немного поумней,
Клянусь, пера бы не взял в руки!

Гражданин

Да, звуки чудные... ура!
Так поразительна их сила,
Что даже сонная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь – пора!
И я восторг твой разделяю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

Поэт

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикий.
Так я, по-твоему, – великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи пожалуйста?!.

Гражданин

Ну, нет!
Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагодарны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо, –
Ты твердо светоч свой держал,
Но небу было неуютно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался.
Моли, чтоб солнца он дождался

И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но покуда
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Гроза молчит, с волной бездонной
В сиянье спорят небеса,
И ветер ласковый и сонный
Едва колеблет паруса, –
Корабль бежит красиво, стройно,
И сердце путников спокойно,
Как будто вместо корабля
Под ними твердая земля.
Но гром ударил; буря стонет,
И снасти рвет, и мачту клонит, –
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!
Вот пес – и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет...
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновенной
Ленивцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?

Пускай ты верен назначенью,
Но легче ль родине твоей,
Где каждый предан поклоненью
Единой личности своей?
Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни – стяжатели и воры,
Другие – сладкие певцы,
А третьи... третьи – мудрецы:
Их назначенье – разговоры.
Свою особу ограждая,
Они бездействуют, твердя:
»Неисправимо наше племя,
Мы даром гибнуть не хотим,

Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»
Хитро скрывает ум надменный
Себялюбивые мечты,
Но... брат мой! кто бы ни был ты,
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,
Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стаи безвредных,
Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,

Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гини безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

А ты, поэт! избранник неба,
Глашатай истин вековых,
Не верь, что не имущий хлеба
Не стоит вещей струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер бог в душе людей,
И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!
Будь гражданин! служба искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоём труде заблещут сами
Их животворные лучи.
Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень!

Поэт

Ты кончил?.. чуть я не уснул.
Куда нам до таких воззрений!
Ты слишком далеко шагнул.
Учить других – потребен гений,
Потребна сильная душа,
А мы с своей душой ленивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоим медного гроша.
Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем,
А если в сторону свернем –
Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блажен безмолвный гражданин:
Он, Музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благодарной цели,
И труд его успешен, спор...

Гражданин

Не очень лестный приговор.
Но твой ли он? тобой ли сказан?
Ты мог бы правильной судить:
Поэтом можешь ты не быть,

Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.
Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,
Какими плачет он слезами!!.
Ему тяжелый жребий пал,
Но доли лучшей он не просит:
Он, как свои, на теле носит
Все язвы родины своей.

.....
.....

Гроза шумит и к бездне гонит
Свободы шаткую ладью,
Поэт клянет или хоть стонет,
А гражданин молчит и клонит
Под иго голову свою.
Когда же... Но молчу. Хоть мало,

И среди нас судьба являла
Достойных граждан... Знаешь ты
Их участь?.. Преклони колени!..
Лентяй! смешны твои мечты
И легкомысленные пени!
В твоём сравненье смыслу нет.
Вот слово правды беспристрастной:
Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

Поэт

Не мудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
Ты прав: поэту легче жить –
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей,
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче – очень безрассудной, –
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы – я вплетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас.
Без отвращения, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел...
Клянусь, я честно ненавидел!

Клянусь, я искренно любил!
И что ж?.. мои послышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой...
Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.
Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно,
Но... гибнуть, гибнуть... и когда?
Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои –
Душа пугливо отступила...
Но сколько б ни было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове «честный гражданин».
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень.
Бедняк! и из чего поправ
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты – сын больной большого века?..
Когда бы знали жизнь мою,

Мою любовь, мои волненья...
Угрюм и полон озлобленья,
У двери гроба я стою...

Ах, песнею моей прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла.
С тех пор не часты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цены –
И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя –
То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Бичуя маленьких воришек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,

Презренья горького полна.

Теперь напрасно к ней взываю –
Увы! сокрылась навсегда.
Как свет, я сам ее не знаю

И не узнаю никогда.
О Муза, гостьею случайной
Являлась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный
Судьба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Всё скрыл в глубокой темноте.
Но шел один венок терновый
К твоей угрюмой красоте...

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна –
Она до гроба помнить будет!

Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы –
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

ПРОСТИ

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, –
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь,
Благослови и не забудь!

ШКОЛЬНИК

– Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок –
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый –
Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете –
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете –
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай, –

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ

Беспокойная ласковость взгляда,
И поддельная краска ланит,
И убогая роскошь наряда –
Всё не в пользу ее говорит.
Но не лучше ли, прежде чем бросим
Мы в нее приговор роковой,
Подзовем-ка ее да спросим:
»Как дошла ты до жизни такой?»

Не длинен и не нов рассказ:
Отец ее, подьячий бедный,
Таскался писарем в Приказ,
Имел порок дурной и вредный –
Запоем пил – и был буян,
Когда домой являлся пьян.
Предвидя роковую схватку,
Жена малютку уведет,
Уложит наскоро в кроватку
И двери поплотней припрет.
Но бедной девочке не спится!
Ей чудится: отец бранится,
Мать плачет. Саша на кровать,
Рукою подпершись, садится,
Стучит в ней сердце... где тут спать?

Раздвинув завесы цветные,
Глядит на двери запертые,
Откуда слышится содом,
Не шевелится и не дремлет.
Так птичка в бурю под кустом
Сидит – и чутко буре внемлет.

Но как ни буен был отец,
Угомонился наконец,
И стало без него им хуже.
Мать умерла в тоске по мужу,
А девочку взяла «мадам»
И в магазине поселила.
Не очень много шили там,
И не в шитье была там сила...

2

«Впрочем, что ж мы? нас могут заметить,
Рядом с ней?!..» И отхлынули прочь...
Нет! тебе сострадания не встретить,
Нищеты и несчастья дочь!
Свет тебя предает поруганы»
И охотно прощает другой,
Что торгует собой по призванию,
Без нужды, без борьбы роковой;

Что, поднявшись с позорного ложа,
Разоденется, щеки притрет
И летит, соблазнительно лежа
В щегольском экипаже, в народ –
В эту улицу роскоши, моды,
Офицеров, лореток и бар,
Где с полугосударства доходы
Поглощает заморский товар.
Говорят, в этой улице милой
Всё, что модного выдумал свет,
Совместилось волшебною силой,
Ничего только русского нет –
Разве Ванька проедет унылый.
Днем и ночью на ней маскарад,
Ей недаром гордится столица.
На французский, на английский лад
Исковеркав нерусские лица,
Там гуляют они, пустоты вековой
И наследственной праздности дети,
Разодетой, довольной толпой...
Ну, кому же расставишь ты сети?

Вышла ты из коляски своей
И на ленте ведешь собачонку;
Стая модных и глупых людей
Провожает тебя вперегонку.
У прекрасного пола тоска,
Чувство злобы и зависти тайной.
В самом деле, жена бедняка,

Позавидууй! эффект чрезвычайный!
Бриллианты, цветы, кружева,
Доводящие ум до восторга,
И на лбу роковые слова:
»Продается с публичного торга!»
Что, красавица, нагло глядишь?
Чем гордишься? Вот вся твоя повесть:
Ты ребенком попала в Париж,
Потеряла невинность и совесть,
Научилась белиться и лгать
И явилась в наивное царство:
Ты слыхала, легко обирать
Наше будто богатое барство.

Да, не трудно! Но должно входить
В этот избранный мир с аттестатом.
Красотой нас нельзя победить,
Удивить невозможно развратом.
Нам известность, нам мода нужна.
Ты красивей была и моложе,
Но, увы! неизвестна, бедна
И нуждалась сначала... О боже!
Твой рассказ о купце разрывал
Нам сердца: по натуре бурлацкой,
Он то ноги твои целовал,
То хлестал тебя плетью казацкой.
Но, по счастью, этот дикарь,
Слабоватый умом и сердечком,
Принялся за французский букварь,

Чтоб с тобой обменяться словечком.
Этим временем ты завела
Рысаков, экипажи, наряды
И прославилась – в моду вошла!
Мы знакомству скандальному рады.
Что за дело, что вся дочиста
Предалась ты постыдной продаже,
Что поддельна твоя красота,
Как гербы на твоём экипаже,

Что глупа ты, жадна и пуста –
Ничего! Знатоки вашей нации
Порешили разумным судом,
Что цинизм твой доходит до грации,
Что геройство в бесстыдстве твоём!
Ты у бога детей не просила,
Но ты женщина тоже была,
Ты со скрежетом сына носила
И с проклятьем его родила;
Он порос – ты его нарядила
И на Невский с собой повезла.
Ничего! Появление малютки
Не смутило души никому,
Только вызвало милые шутки,
Дав богатую пищу уму.
Удивлялась вся гвардия наша
(Да и было чему, не шутя),
Что ко всякому с словом «папаша»
Обращалось наивно дитя...

И не кинул никто, негодуя,
Комом грязи в бесстыдную мать!
Чувством матери нагло торгуя,
Пуще стала она обирать.
Бледны, полны тупых сожалений
Потерявшие шик молодцы, –
Вон по Невскому бродят как тени
Разоренные ею глупцы!
И пример никому не наука,
Разорит она сотни других:
Тупоумие, праздность и скука
За нее... Но умолкни, мой стих!
И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером...
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.

* * *

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России –
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,

И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив...

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь – в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», – говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!

Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,

В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,

А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, –
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, – как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронного тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,

Втихомолку проклятый отчизною,

Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? –
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?

Этот стон у нас песней зовется –
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, –
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, –
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

* * *

(Отрывок)

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто всё терпит, во имя Христа,

Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятия о праве, о боге,
Как в подземной тюрьме без свечи...

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

– Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу! –
Вишь, пора-то сенокосная –
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
Да, зевая, крестит рот,
Сел я рядом с ней на лесенку,
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку –
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, всё с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодницами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя...»
Эка песня безобразная!
– Няня! дай-ка мне дитя! –
«На, родной! да ты откуда?»

– Я проезжий, городской, –
»Покачай; а я покудова
Подремлю... да песню спой!»

– Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.

У меня своя, любимая...
Баю-баюшки-баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт – ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно

Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою –
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую,

К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьего грозой...

И тогда-то... – Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою...

ПАПАША

Я давно замечал этот серенький дом,
В нем живут две почтенные дамы,
Тишина в нем глубокая днем,
Сторы спущены, заперты рамы.
А вечерней порой иногда
Здесь движенье веселое слышно:
Приезжают сюда господа
И девицы, одетые пышно.
Вот и нынче карета стоит,
В ней какой-то мужчина сидит;
Свищет он, поджидая кого-то,
Да на окна глядит иногда.
Наконец, отворились ворота,
И, нарядна, мила, молода,
Вышла женщина...

«Здравствуй, Наташа!
Я уже думал – не будет конца!»
– Вот тебе деньги, папаша! –
Девушка села, целует отца.
Дверцы захлопнулись, скрылась карета,
И постепенно затих ее шум.
»Вот тебе деньги!» Я думал: что ж это?
Дикая мысль поразила мой ум.

Мысль эта сердце мучительно жала.
Прочь, ненавистная, прочь!
Что же, однако, меня испугало?
Мать, продающая дочь,
Не ужасает нас, так почему же?..
Нет, не поверю я!.. изверг, злодей!
Хуже убийства, предательства хуже...
Хуже-то хуже, да легче, верней,
Да и понятней. В наш век утонченный
Изверги водятся только в лесах.
Это не изверг, а фат современный –
Фат устарелый без места, в долгах.
Что ж ему делать? Другого закона,
Кроме дендизма, он в жизни не знал,
Жил человеком хорошего тона
И умереть им желал.
Поздно привык он ложиться,
Поздно привык он вставать,
Кушая кофе, помадиться, бриться,
Ногти точить и усы завивать;
Час или два перед тонким обедом
Невский проспект шлифовать.
Смолоду был он лихим сердцеедом:
Долго ли денег достать?
С шиком оделся, приставил лорнетку
К левому глазу, прищурил другой,
Мегом пленил пожилую кокетку,
И полилось ему счастье рекой.
Сладки трофеи нетрудной победы –

Кровные лошади, повар-француз...
Боже! какие давал он обеды –
Роскошь, изящество, вкус!
Подлая сволочь глотала их жадно.
Подлая сволочь?.. о, нет!
Всё, что богато, чиновно, парадно,
Кушало с чувством и с толком обед.
Мы за здоровье хозяина пили,
Мы целовались с ним,
Правда, что слухи до нас доходили...
Что нам до слухов – и верить ли им?
Старый газетчик, в порыве усердия,
Так отзывался о нем:
»Друг справедливости! жрец милосердия!»
То вдруг облаял потом, –
Верь, чему хочешь! Мы в нем не заметили
Подлости явной: в игре он платил.
Муза! воспой же его добродетели!
Вспомни, он набожен был;
Вспомни, он руку свою тороватую
Вечно раскрытой держал,

Даже Жуковскому что-то на статую
По доброте своей дал!
Счастье, однако, на свете непрочно –
Хуже да хуже с годами дела.
Сил ему много отпущено, точно;
Да красота изменять начала.
Он уж купил три таинственных банки:

Это – для губ, для лица и бровей,
Учетверил благородство осанки
И величавость походки своей;
Ходит по Невскому с палкой, с лорнетом
Сорокалетний герой.
Ходит зимою, весною и летом,
Ходит и думает: «Черт же с тобой,
Город проклятый! Я строен, как тополь,
Счастье найду по другим городам!»
И, рассердись, покидает Петрополь...
Может быть, ведомо вам,
Что за границей местами есть воды,
Где собирается множество дам –
Милых поклонниц свободы,

Дам и отчасти девиц,
Ежели дам, то в замужестве несчастных;
Разного возраста лиц,
Но одинаково страстных, –
Словом, таких, у которых талант
Жалкою славой прославиться в свете
И за которых Жорж Санд
Перед мыслителем русским в ответе.
Что привлекает их в город такой,
Славный не столько водами,
Сколько азартной игрой
И... но вы знаете сами...
Трудно решить. Говорят,
Годы терпенья и плена,

Тяжких обид и досад
Вдруг выкупает измена;
Ежели так, то целительность вод
Не подлежит никакому сомнению.
Бурно их жизнь там идет,
Вся отдана наслажденью,

Оригинален наряд, –
Дома одеты, а в люди
Полураздеться спешат:
Голые спины и голые груди!
(Впрочем, не к каждой из дам
Эти идут укоризны:
Так, например, только лечатся там
Скромные дочери нашей отчизны...)
Наш благородный герой
Там свои сети раскинул,
Там он блистал еще годик-другой,
Но и оттудова сгинул.
Лет через восемь потом
Он воротился в Петрополь,
Всё еще строен, как тополь,
Но уже несколько хром,
То есть не хром, а немножко
Стала шалить его левая ножка –
Вовсе не гнулась! Шагал
Ею он словно поленом,
То вдруг внезапно болтал
В воздухе правым коленом.

Белый платочек в руке,
Грусть на челе горделивом,
Волосы с бурым отливом –
И ни кровинки в щеке!
Плохо!..

А вкусы так пошлы и грубы,
Дай им красавчика, кровь с молоком...
Волк, у которого выпали зубы,
Бешено взвыл; огляделся кругом
Да и решился... Трудами питаться
Нет ни уменья, ни сил,
В бедности гнусной открыто признаться
Перед друзьями, которых кормил,
И удалиться с роскошного пира –
Нет! добровольно герой
Санктпетербургского модного мира
Не достигает развязки такой.
Молод – так дело женитьбой поправит,
Стар – так игорный притон заведет,

Вексель фальшивый составит,
В легкую службу пойдет,
Славная служба! Наш старый красавец
Чуть не пошел было этой тропой,
Да не годился... Вот этот мерзавец!
Под руку с дочерью! Весь завитой,
Кольца, лорнетка, цепочка вдоль груди...
Плюньте в лицо ему, честные люди!

Или уйдите хоть прочь!
Легче простить за поджог, за покражу –
Это отец, развращающий дочь
И выводящий ее на продажу!..
»Знаем мы, знаем – да дела нам нет,
Очень горяч ты, любезный поэт!«

Музыка вроде шарманки
Однообразно гудит,
Сонно поют испитые цыганки,
Глупый цыган каблуками стучит.
Около русой Наташи
Пять молодых усачей
Пьют за здоровье папаши.
Кажется, весело ей.
Смотрит спокойно, наивно смеется.
Пусть же смеется всегда!
Пусть никогда не проснется!
Если ж проснется, что будет тогда?
Нож ли ухватит, застонет ли тяжко
И упадет без дыханья, бедняжка,
Сломлена ужасом, горем, стыдом?
Кто ее знает! Не дай только боже
Быть никому в ее коже, –
Звать обнищалою фата отцом!

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

«В золотую пору малолетства
Всё живое – счастливо живет,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим – вертим – вертим!

Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдает,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьется, всё кругом идет:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки,
Всё и все! Впадая в исступленье,
Начинаем громко мы кричать:

...Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать!
Бесполезно плакать и молиться –
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри – проклятое вертится,
Хоть умри – гудит – гудит – гудит!

Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы – спать.
Нам домой скорей бы воротиться...
Но за чем идем мы и туда?..
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвем на части сердце ей...»

НА ВОЛГЕ

(Детство Валезжникова)

1

Не торопись, мой верный пес!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Еще успеем мы стрелять.
Ты удивлен, что я прирос
На Волге: целый час стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнил молодость мою
И весь отдаться ей хочу
Здесь на свободе. Я похож
На нищего: вот бедный дом,
Тут, может, подали бы грош.
Но вот другой – богаче: в нем
Авось побольше подадут.
И нищий мимо; между тем
В богатом доме дворник-плут
Не наделил его ничем.
Вот дом еще пышней, но там
Чуть не прогнали по шеям!
И, как нарочно, всё село

Прошел – нигде не повезло!
Пуста, хоть выверни суму.
Тогда вернулся он назад
К убогой хижине – и рад,
Что корку бросили ему;
Бедняк ее, как робкий пес,
Подальше от людей унес

И гложет... Рано пренебрег
Я тем, что было под рукой,
И чуть не детскою ногой
Ступил за отческий порог,
Меня старались удержать
Мои друзья, молила мать,
Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных попей,
И той же песенкою полн
Был говор этих милых волн.
Но я не верил ничему.
Нет, – говорил я жизни той, –
Ничем не купленный покой
Противен сердцу моему...

Быть может, не достало сил,
Или мой труд не нужен был,
Но жизнь напрасно я убил,
И то, о чем дерзал мечтать,

Теперь мне стыдно вспоминать!
Все силы сердца моего
Истратив в медленной борьбе,
Не допросившись ничего
От жизни ближним и себе,
Стучусь я робко у дверей
Убогой юности моей:
– О юность бедная моя!
Прости меня, смирился я!
Не помяни мне дерзких грез,
С какими, бросив край родной,
Я издевался над тобой!
Не помяни мне глупых слез,
Какими плакал я не раз,
Твоим покоем тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,
На чем бы сердцем отдохнуть
Я мог, пошли мне! Я устал,
В себя я веру потерял,
И только память детских дней
Не тяготит души моей...

2

Я рос, как многие, в глуши,
У берегов большой реки,

Где лишь кричали кулики,
Шумели глухо камыши,
Рядами стаи белых птиц,
Как изваяния гробниц,
Сидели важно на песке;
Виднелись горы вдалеке,
И синий бесконечный лес
Скрывал ту сторону небес,
Куда, дневной окончив путь,
Уходит солнце отдохнуть.

Я страха смолоду не знал,
Считал я братьями людей,
И даже скоро перестал
Бояться леших и чертей.
Однажды няня говорит:
»Не бегай ночью – волк сидит
За нашей ригой, а в саду
Гуляют черти на пруду!«
И в ту же ночь пошел я в сад.
Не то чтоб я чертям был рад,
А так – хотелось видеть их.
Иду. Ночная тишина
Какой-то зоркостью полна,
Как будто с умыслом притих
Весь божий мир – и наблюдал,
Что дерзкий мальчик затевал!
И как-то не шагалось мне
В всезрящей этой тишине.

Не воротиться ли домой?
А то как черти нападут
И потащат с собою в пруд,
И жить заставят под водой?
Однако я не шел назад.
Играет месяц над прудом,
И отражается на нем
Береговых деревьев ряд.
Я постоял на берегу,
Послушал – черти ни гу-гу!

Я пруд три раза обошел,
Но черт не выплыл, не пришел!
Смотрел я меж ветвей дерев
И меж широких лопухов,
Что поросли вдоль берегов,
В воде: не спрятался ли там?
Узнать бы можно по рогам.
Нет никого! Пошел я прочь,
Нарочно сдерживая шаг.
Сошла мне даром эта ночь,
Но если б друг какой иль враг
Засел в кусту и закричал,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова над головой, –
Наверно б мертвый я упал!
Так, любопытствуя, давил
Я страхи ложные в себе
И в бесполезной той борьбе

Немало силы погубил.
Зато добытая с тех пор
Привычка не искать опор
Меня вела своим путем,
Пока рожденного рабом
Самолюбивая судьба
Не обратила вновь в раба!

3

О Волга! после многих лет
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом всё та же даль и ширь,
Всё тот же виден монастырь
На острове, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Всё то же, то же... только нет
Убитых сил, прожитых лет...

Уж скоро полдень. Жар такой,
Что на песке горят следы,
Рыбалки дремлют над водой,

Усевшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов
Несется крик перепелов.
Не нарушая тишины
Ленивой, медленной волны,
Расшива движется рекой.
Приказчик, парень молодой,
Смеясь, за спутницей своей
Бежит по палубе: она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричит он ей:
»Постой, проказница, ужо
Вот догоню!...» Догнал, поймал, –
И поцалуй их прозвучал
Над Волгой вкусно и свежо.
Нас так никто не цаловал!
Да в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услышал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки

Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик –
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!., колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,

Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою...
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушел бы никуда –
Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушен.
Я знать хотел, что значит он, –
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
»Когда-то в Нижний попадем? –
Один сказал. – Когда б попасть
Хоть на Илью...» – Авось придем, –
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил. – Эх, напасть!
Когда бы зажило плечо,

1 Тянул *бы* лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть –
Так лучше было бы еще... –
Он замолчал и навзничь лег.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты

И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор...
Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был –
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
»Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что случилось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же самых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал –
Пусть умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

Но если вы – наивный бред,
Обеты юношеских лет,
Зачем же вам забвенья нет?
И вами вызванный упрек
Так сокрушительно жесток?..

4

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал:
Всё ту же песню ты поешь,
Всё ту же ляжку ты несешь,
В чертах усталого лица
Всё та ж покорность без конца...

.....

.....

Прочна суровая среда,

Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертью не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, – не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?
Как он, безгласно ты умрешь,
Как он, бесплодно пропадешь,
Так заматывается песком
Твой след на этих берегах,
Где ты шагаешь под ярмом,
Не краше узника в цепях,
Твердя постылые слова,
От века те же: «раз да два!»
С болезненным припевом «ой!»
И в такт мотая головой...

НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по божией милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед за тем долгие, дни заточения.

Всё он изведал: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Всё – и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость. В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.

Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое.
Кончилось время его несчастливое,
Всё, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалось.

Тут ему бог позавидовал:
Жизнь оборвалась.

ПОХОРОНЫ

Меж высоких хлебов затерялся
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилась страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас – голова бесшабашная –
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы... – тошнехонько!
Догадались деньжонок собрать;
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов!.. Только солнышко знойное
Вместо ярого воску свечи,
На лицо непробудно-спокойное
Не скупясь наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что ребят набирается!
Покрестились и подняли вой...
Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой, –

Как не плакать им? Диво велико ли?
Своему-то свои хороши!
А по **ком**ребятишки захныкали,
Тот, наверно, был доброй души!

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Чтотебя доконало, сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит, –
»Чу! – кричат наши детки прворные. –

Прошлогодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не скучал.
У тебя порошку я попрашивал,
И всегда ты нескучно давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
Не жива ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, повестим твою милую:
Может быть, и приедет любя,
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовью!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
Неповинные наши поля!

Кто дознает, какую крученою
Надрывалось сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье?..

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,

Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши – живется легко,
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,

Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица –
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница

Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки –

Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,

В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,

Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...

Чу! шепот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар борода не бывает – усы.

Первый

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, гляди-тко – часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого стоит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака – большая, большая!

Вода языка-то бежит.

Пятый

Ружье! погляди-тко: стволина двойная,

Замочки резные...

Третий

с испугом)

Глядит!

Четвертый

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет...

.....

Испугались шпионы мои

И кинулись прочь: человека слыша,

Так стайей с мякины летят воробьи.

Затих я, прищурился – снова явились,

Глазенки мелькают в щели.

Что было со мною – всему подивились

И мой приговор изрекли:

»Такому-то гусю уж что за охота!

Лежал бы себе на печи!

И, видно, не барин: как ехал с болота,

Так рядом с Гаврилой...» – Услышит, молчи! –

.....

О милые плуты! Кто часто их видел,

Тот, верю я, любит крестьянских детей;

Но если бы даже ты их ненавидел,

Читатель, как «низкого рода людей», –

Я всё-таки должен сознаться открыто,

Что часто завидую им:

В их жизни так много поэзии слито,

Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливым народ! Ни науки, ни неги

Не ведают в детстве они.

Я дельвал с ними грибные набег:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
»Взгляни-ка, Савося, какое колечко!«
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»
Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали,

У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав – вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися –
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!

Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
»Прощайте, ребята! Старайтесь наипаче
На господа бога во всем потрафлять.
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать, –
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,
Что волосы из носу шибко росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды –
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
»Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь – им всё покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело – пилить и строгать!
Иступят пилу – не наточишь и в сутки!
Сломают бурав – и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали –
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли – навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русских головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
ТУТ ДРАка – не драка, игра – не игра...

А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребяташки! обедать пора.
Вернулись..У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое –
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок
На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведерко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
Сплела себе славный веноч, –
Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.
Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,

Гляди – уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит – содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...
«Довольно, Ванюша! гулял ты немало,

Пора за работу, родной!»
Но даже и труд обернется сначала

К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливает зерно.
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же зависть в дворянском дитяти

Посеять нам было бы жаль.

Итак, обернуть мы обязаны кстати

Другой стороною медаль.

Положим, крестьянский ребенок свободно

Растет, не учась ничему,

Но вырастет он, если богу угодно,

А сгибнуть ничто не мешает ему.

Положим, он знает лесные дорожки,

Гарцует верхом, не боится воды,

Зато беспощадно едят его мошки,

Зато ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору

Я из лесу вышел; был сильный мороз.

Гляжу, поднимается медленно в гору

Лошадка, везущая хворосту воз.

И шествуя важно, в спокойствии чинном,

Лошадку ведет под уздцы мужичок

В больших сапогах, в полушубке овчинном,

В больших рукавицах... а сам с ноготок!

«Здорово, парнище!» – Ступай себе мимо! –

«Уж больно ты грозен, как я погляжу!

Откуда дровишки?» – Из лесу, вестимо;

Отец, слышишь, рубит, а я отвожу.

(В лесу раздавался топор дровосека.) –

«А что, у отца-то большая семья?»

– Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я... –
«Так вон оно что! А как звать тебя?»

– Власом. –

»А кой тебе годик?» – Шестой миновал...
Ну, мертвая! – крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрее зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег; до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь –
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимою, мертвящей зимы.
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли всеяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти – дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.

Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой –
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

.....

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
»Эй, воры идут! – закричал я Фингалу. –
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лег – и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! «Фингалка, умри!» –
»Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха!» –
»Смотри – умирает – смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,

А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, закрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребяташки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.

ДУМА

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку.
Проклинай житье мещанское
Да почесывай головушку.

Спи, не спи – валяйся по печи,
Каждый день недоедаючи,
Трать задаром силу дюжую,
Недоимку накопляючи.

Уж как нет беды кручиннее
Без работы парню маяться,
А пойдешь куда к хозяевам –
Ни один-то не нуждается!

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное
Словно воду, не жалеючи.

В праздник – жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся –
Вон из тела душа просится!

Ночь храпят, наевшись до поту,
День придет – работой тешатся...
Эй! возьми меня в работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие, –

Только треск стоял бы до неба,
Как деревья бы валилися;
Вместо шапки, белым инеем
Волоса бы серебрилися!

* * *

Что ни год – уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,

Видит ведреный день впереди;

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

СВОБОДА

Родина-мать! по равнинам твоим
Я не ездил еще с чувством таким!

Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

В добрую пору дитя родилось,
Милостив бог! не узнаешь ты слез!

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,

Хочешь – останешься век мужиком,
Сможешь – под небо взовьешься орлом!

В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок,

Знаю, на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,

Так!.. но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!

РЫЦАРЬ НА ЧАС

Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бушует,
Над душой воцаряется мгла,
Ум, бездействуя, вяло тоскует.
Только сном и возможно помочь,
Но, к несчастью, не всякому спится...

Слава богу! морозная ночь –
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
Я со стога спугнул ястребенка,
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!
Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготьком потянуло с дороги...
Обоняние тонко в мороз,
Мысли свежи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть

И великое чувство свободы
Наполняют ожившую грудь;
Жаждой дела душа закипает,
Вспоминается пройденный путь,
Совесь песню свою запеваеt...

Я советую гнать ее прочь –
Будет время еще сосчитаться!
В эту тихую, лунную ночь
Созерцанию должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят средь полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,
Что по воздуху тихо плывут, –
Всё отчетливо видно: далече
Протянулись полосы гречи,
Красной лентой по скату бегут;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвою;
Чудны красок его переливы
Под играющей, ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый –

В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу, ворон тяжелый –
Видишь – дремлет на старой ели!
Всё, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном – золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов –
Всё доступно довольному взору...

Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность нагая!

Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна –
Утомилась, кормилица наша!..

Спи, кто может, – я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шуму
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с тобой совладать,
Не осилил я думы жестокой...

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать...

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! – и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околке больной,
Он при них встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит – бодрее шагает;

Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит бога о ведреном дне.

Звук за звуком гудя прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.
С колокольни старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов,
Вижу тень его; сел на ступени,

Дремлет, голову свесив в колени,
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и темном...
Всё, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделен, – всё живет предо мной,
Всё так ярко рисуется взору,
Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидеть я и той,
Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты, – грудью своей

Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилась!
Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим?..

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну – и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,

Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная –
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебном светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты Музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? пусть клеветят язвительней.
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на всё безрассудно дерзал,
' Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет –
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни – вперед и вперед!
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,

Снова падал – и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

Тот, чья жизнь бесполезно разбилась,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце неробкое билось,
Что умел он любить...
(Утром, в постели)

О мечты! о волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы –
Всё в душе угнетенной моей
Пробудилось... но где же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабей.
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будет могила,
Где лежит моя бедная мать.

Всё, что в сердце кипело, боролось,

Всё луч бледного утра спугнул,
И насмешливый внутренний голос
Злую песню свою затянул:
»Покорись, о ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило вас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе.
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...»

* * *

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! – русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная –
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую –
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда – растрепалися косыньки, –
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они – всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

ЗЕЛЕНЬКИЙ ШУМ1

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако, – всё зелено,
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяйюшка
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилася,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые

Глядит, – молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть – так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:

«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ноченькой
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!...»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая –
Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралась...»

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;

А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна – в лесу, в лугу:
»Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И – бог тебе судья!»

ЧТО ДУМАЕТ СТАРУХА, КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ

В позднюю ночь над усталой деревнею
Сон непробудный царит,
Только старуху столетнюю, древнюю
Не посетил он. – Не спит,

Мечется по печи, охает, мается,
Ждет – не поют петухи!
Вся-то ей долгая жизнь представляется,
Всё-то грехи да грехи!

«Охти мне! часто владыку небесного
Я искушала грехом:
Нутко-се! с ходу-то, с ходу-то крестного
Раз я ушла с пареньком

В рощу... Вот то-то! мы смолоду дурочки,
Думаем: милостив бог!
Раз у соседки взяла из-под курочки
Пару яичек... ох! ох!

В страдную пору больной притворилася –
Мужа в побывку ждала...
С Федей-солдатиком чуть не слюбилася...

С мужем под праздник спала.

Охти мне... ох! угожу в преисподнюю!
Раз, как забрили сынка,
Я возроптала на благодать господнюю,
В пост испила молока, –

То-то я грешница! то-то преступница!
С горя валялась пьяна...
Божия мать! Святая заступница!
Вся-то грешна я, грешна!...»

КАЛИСТРАТ

Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи:
»Будешь счастлив, Калистратушка!
Будешь жить ты припеваючи!»

И сбылось, по воле божией,
Предсказанье моей матушки:
Нет богаче, нет пригожее,
Нет нарядней Калистратушки!

В ключевой воде купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаюся
С непосаянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Пуще мужа наряжается, –
Носит лапти с подковыркою!..

* * *

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля в мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.
Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.
В обаянии счастья и славы,
Чувству жизни ты вся предана, –
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок –
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны – напев соловьиный
И нестройные писки галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок, – в просторе свободы
Всё в гармонию жизни слилось...

Я наслушался шума инова...
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим –

Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Ваня (*в кучерском армячке*) Папаша! кто строил эту доро-
гу?

Папаша (*в пальто на красной подкладке*)

Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!

Разговор в вагоне

I

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно – покой и простор! –
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни –

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

«Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?»

Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден, –
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие – в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,

Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья послышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?... ..В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божий ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...

Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого –
Это всё братья твои – мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою.
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Я мою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную

Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную –
Вынесет всё, что господь ни пошлет!

Вынесет всё – и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придется – ни мне, ни тебе».

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул – исчезла толпа мертвецов!
»Видал, папаша, я сон удивительный, –
Ваня сказал, – тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились – и *он* мне сказал:
...Вот они – нашей дороги строители!..»«
Захохотал генерал!

– Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видал я в Вене святого Стефана,
Что же... всё это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ – эти термы и бани,
Чудо искусства – он всё растаскал! –
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

– Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать – разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону... –

IV

«Рад показать!
Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены – немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку –
Брал ли на баню, лежал ли больной:
...Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот поди ты!..» Махнули рукой...

В синем кафтане – почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
...Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..

С богом, теперь по домам, – проздравляю!
(Шапки долой – коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И – *недоимку дарю!..»*

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...

Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей – и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..»

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час
И вещее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты над нами...
Плачь, русская земля! но и гордись –

С тех пор, как ты стоишь под небесами,

Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно...

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

О ПОГОДЕ

<Часть первая>

УЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Что за славная столица
Развеселый Петербург!

Лакейская песня

I

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Слава богу, стрелять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали,
И едва ли кто в городе спал:
Ночью пушечный гром грохотал,
Не досна! Вся столица молилась,
Чтоб Нева в берега воротилась,

И минула большая беда –
Понемногу сбывает вода.
Начинается день безобразный –
Мутный, ветреный, темный и грязный.
Ах, еще бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слезы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов!

Злость берет, сокрушает хандра,
Таки просятся слезы из глаз.
Нет! Я лучше уйду со двора...
Я ушел – и наткнулся как раз
На тяжелую сцену. Везли на погост
Чей-то вохрой окрашенный гроб
Черездлинный Исакиев мост.
Передгробом не шли ни родные, ни поп,
Не лежала на нем золотая парча,
Только, в крышу дощатого гроба стуча,
Прыгал град да извозчик-палач
Бил кургузым кнутом спотыкавшихся кляч,
И вдоль спин побелевших удары кнута
Полосами ложились. Съезжая с моста,
Зацепила за дроги коляска, стремглав
С офицером, кричавшим «пошел!» проскакав,
Гроб упал и раскрылся.

«Сердечный ты мой!
Натерпелся ты горя живой,

Да пришлось терпеть и по смерти...
То случился проклятый пожар,
То теперь наскочили вдруг – черти!
Вот уж подлинно бедный Макар!
Дом-то, где его тело стояло,
Загорелся, – забыли о нем, –
Я схватилась: побились немало,
Да спасли-таки гроб целиком,
Так опять неудача сегодня!
Видно, участь его такова...
Расходилась рука-то господня,
Не удержишь!..»

Такие слова

Говорила бездушно и звонко,
Подбежав к мертвецу впопыхах,
Провожавшая гроб старушонка,
В кацавейке, в мужских сапогах.
»Вишь, проклятые! Ехать им тесно!«
– Кто он был? – я старуху спросил.
»Кто он был? да чиновник, известно;
В департаментах разных служил.
Петербург ему солон достался:
В наводнение жену потерял,
Целый век по квартирам таскался
И четырнадцать раз погорал.
А уж службой себя как неволил!
В будни сиднем сидел да писал,
А по праздникам ноги мозолил –

Всё начальство свое поздравлял.
Вот и кончилось тем – простудился!
Звал из Шуи родную сестру,
Да деньжонок послать поскупился.
...Так один, – говорит, – и умру,
Не дождусь... кто меня похоронит?
Хоть уж ты не оставь, помоги!
Страх, бывало, возьмет, как застонет!
Подари, – говорю, – сапоги,
А то, вишь, разошелся дождище!
Неравно в самом деле умрешь,
В чем пойду проводить на кладбище?
Закивал головой...» – Ну и что ж? –
»Ну и умер – и больше ни слова:
Надо места искать у другова!»
– И тебе его будто не жаль? –
»Что жалеть! нам жалеть недосужно,
Что жалеть? хоронить теперь нужно.
Эка, батюшки, страшная даль!
Эко времечко!.. Господи боже!
Как ни дорого бедному жить,
Умирать ему вдвое дороже.
На кладбище-то место купить,
Да попу, да на гроб, да на свечи...»

Говоря эти грустные речи,
До кладбища мы скоро дошли
И покойника в церковь внесли.
Много их там гуртом отпевалось,

Было тесно – и трудно дышалось.
Я ушел по кладбищу гулять;
Там одной незаметной могилы,
Где уснули великие силы,
Мне хотелось давно поискать.

Сделав даром три добрые круга,
Я у сторожа вздумал спросить.
Имя, званье, все признаки друга
Он заставил пять раз повторить
И сказал: «Нет, такого не знаю;
А, пожалуй, примету скажу,
Как искать: ты ищи его с краю,
Перешедши вон эту межу,
И смотри: где кресты – там мещане,
Офицеры, простые дворяне;

Над чиновником больше плита,
Под плитой же бывает учитель,
А где нет ни плиты, ни креста,
Там, должно быть, и есть сочинитель».

За совет я спасибо сказал,
Но могилы в тот день не искал.
Я старуху знакомую встретил
И покойника с ней хоронил.
День, по-прежнему гнил и не светел,
Вместо града дождем нас мочил.
Средь могил, по мосткам деревянным

Довелось нам долгонько шагать.
Впереди, под навесом туманным
Открывалась болотная гладь:
Ни жилья, ни травы, ни кусточка,
Всё мертво – только ветер свистит.
Вон виднеется черная точка:
Это сторож. «Скорее!» – кричит.
По танцующим жердочкам прямо
Мы направились с гробом туда.
Наконец вот и свежая яма,
И уж в ней по колено вода!
В эту воду мы гроб опустили,
Жидкой грязью его завалили,
И конец! Старушонка опять
Не могла пересилить досады:
»Ну, дождался, сердечный, отрады!
Что б уж, кажется, с мертвого взять?
Да господь, как захочет обидеть,
Так обидит: вчера погорал,
А сегодня, изволите видеть,
Из огня прямо в воду попал!»
Я взглянул на нее – и заметил,
Что старухе-то жаль бедняка:
Бровь одну поводило слегка...
Я немым ей поклоном ответил
И ушел... Я доволен собой,
Я недаром на улицу вышел:
Я хандру разогнал – и смешной
Каламбур на кладбище услышал,

II

ДО СУМЕРЕК

1

Ветер что-то удушлив не в меру,
В нем зловещая нота звучит,
Всё холеру – холеру – холеру –
Тиф и всякую немочь сулит!
Все больны, торжествует аптека
И варит свои зелья гуртом;
В целом городе нет человека,
В ком бы желчь не кипела ключом;
Муж, супругою страстно любимый,
В этот день не понравится ей,
И преступник, сегодня судимый,
Вдвое больше получит плетей.
Всюду встретишь жестокую сцену, –
Полицейский, не в меру сердит,
Тесаком, как в гранитную стену,

В спину бедного Ваньки стучит.
Чу! визгливые стоны собаки!
Вот сильней, – видно, треснули вновь.
Стали греться – догрелись до драки
Два калашника... хохот – и кровь!

2

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.
Вот она зашаталась и стала.
»Ну!» =а погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) –
И уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко,
Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела... (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам,
И, вперед забежав, по лопаткам

И по плачущим, кротким глазам!
Всё напрасно. Клячонка стояла,

Полосатая вся от кнута,
Лишь на каждый удар отвечала
Равномерным движеньем хвоста.
Это праздных прохожих смешило,
Каждый вставил словечко свое,
Я сердился – и думал уныло:
»Не вступиться ли мне за нее?
В наше время сочувствовать мода,
Мы помочь бы тебе и не прочь,
Безответная жертва народа, –
Да себе не умеем помочь!»
А погонщик недаром трудился –
Наконец-таки толку добился!
Но последняя сцена была
Возмутительней первой для взора:
Лошадь вдруг напряглась – и пошла
Как-то боком, нервически скоро,
А погонщик при каждом прыжке,
В благодарность за эти усилия,
Поддавал ей ударами крылья
И сам рядом бежал налегке.

3

Я горячим рожден патриотом,
Я весьма терпеливо стою,

Если войско, несметное счетом,
Переходит дорогу мою.
Ускользнут ли часы из кармана,
До костей ли прохватит мороз
Под воинственный гром барабана,
Не жалею: я истинный Росс!
Жаль, что нынче погода дурная,
Солнца нет, кивера не блестят
И не лоснится масть вороная
Лошадей... Только сабли звенят;
На солдатах едва ли что сухо,
С лиц бегут дождевые струи,
Артиллерия тяжело и глухо
Подвигает орудья свои.
Всё молчит. В этой раме туманной
Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит...

4

Прибывает толпа ожидающих,
Сколько дрожек, колясок, карет!
Пеших, едущих, праздно зевающих
Счету нет!
Тут квартальный с захваченным пьяницей,

Как Федотов его срисовал;
Тут старуха с аптечного сткляницей,
Тут жандармский седой генерал;
Тут и дама такая сердитая –
Открывай ей немедленно путь!
Тут и лошадь, недавно побитая:
Бог привел и ее отдохнуть!
Смотрит прямо в окошко каретное,
На стекле надышала пятно.
Вот лицо, молодое, приветное,
Вот и ручка, – раскрылось окно,
И погладила клячу несчастную
Ручка белая... Дождь зачастил,
Словно спрятаться ручку прекрасную
Поскорей торопил.
Тут бедняк итальянец с фигурами,
Тут чухна, продающий грибы,
Тут рассыльный Минай с корректурами.
»Что, старинушка, много ходьбы?»
– Много было до сорок девятого;
Отдохнули потом... да опять
С пятьдесят этак прорвало с пятого,
Успевай только ноги таскать! –
»А какие ты носишь издания?»
– Пропасть их – перечесть мудрено.
Я «Записки» носил с основания,
С «Современником» нянчусь давно:
То носил к Александру Сергеичу,
А теперь уж тринадцатый год

Всё ношу к Николай Алексеичу, –
На Литейной живет.
Слог хорош, а жиденко издание,

Так, оберточкой больше берут.
Вот «Записки» – одно уж название!
Но и эти, случается, врут.
Всё резать друг дружку стараются.
Впрочем, нас же надуть норовят:
В месяц тридцать листов обещаются,
А рассылный таскай шестьдесят!
Знай ходи – то в Коломну, то к Невскому,
Даже Фрейганг устанет марать:
»...Объяви, – говорит, – ты Краевскому,
Что я больше не стану читать!...»
Вот и нынче несу что-то спешное –
Да пускай подождут, не впервой.
Эх, умаялось тело-то грешное!.. –
»Да, пора бы тебе на покой».
– То-то нет! говорили мне многие,
Даже доктор (в тридцатом году
Я носил к нему «Курс патологии»):
...Жить тебе, пока ты на ходу!»
И ведь точно: сильней нездоровится,
Коли в праздник ходьба остановится:
Ноет спинушка, жилы ведет!
Я хожу уж полвека без малого,
Человека такого усталого
Не держи – пусть идет!

Умереть бы привел бог со славою,
Отдохнуть отдохнем, потрудясь... –
Принял позу старик величавую,
На Исакия смотрит, крестясь.
Мне понравилась речь эта странная.
»Трудно дело твое!» – я сказал.

– Дела нет, а ходьба беспрестанная,
Зато город я славно узнал!
Знаю, сколько в нем храмов считается,
В каждой улице сколько домов,
Сколько вывесок, сколько шагов
(Так, идешь да считаешь, случается).
Грешен, знаю число кабаков.
Что ни есть в этом городе жителей,
Всех по времени вызнал с лица. –
»Ну, а много видал сочинителей?»
– День считай – не дойдешь до конца,
Чай, и счет потерял в литераторах!
Коиx помню – пожалуй, скажу.
При царице, при трех императорах
К ним ходил... при четвертом хожу:
Знал Булгарина, Греча, Сенковского,
У Воейкова долго служил,
В Шепелевском¹ сыпал у Жуковского
И у Пушкина в Царском гостил.
Походил я к Василью Андреичу,
Да гроша от него не видал,

¹ Дворец, где долго жил Жуковский.

Не чета Александру Сергеичу –
Тот частенько на водку давал.
Да зато попрекал всё цензурою:
Если красные встретит кресты,
Так и пустит в тебя корректурую:
Убирайся, мол, ты!
Глядя, как человек убивается,
Раз я молвил: сойдет-де и так!
...Это кровь, – говорит, – проливается, –
Кровь моя, – ты дурак!..» –

5

Полно ждать! за последней колонною
Отсталые прошли,
И покрытого красной попоною
В заключение коня провели.
Торжествуя конец ожидания,
Кучера завопили «пади!»
Всё спешит. «Ну, старик, до свиданья,
Коли нужно идти, так иди!!!»

6

Я, продрогнув, домой побежал.
Небо, видно, сегодня не сжалится:
Только дождь перестал,
Снег лепешками крупными валится!
Город начал пустеть – и пора!
Только бедный да пьяный шатаются,
Да близ медной статуи Петра,
У присутственных мест дожидаются
Сотни сотен крестьянских дровней
И так щедро с небес посыпаются,
Что за снегом не видно людей.
Чу! рыдание баб истеричное!
Сдали парня?.. Жалей не жалей,
Перемелется – дело привычное!
Злость-тоску мужики на лошадаках сорвут,
Коли денежки есть – раскошелятся
И кручинушку штофом запьют,
А слезами-то бабы поделятся!
По ведерочку слез на сестренок уйдет,
С полведра молодойке достанется,
А старуха-то мать и без меры возьмет –
И без меры возьмет – что останется!

Ш

СУМЕРКИ

Говорят, еще день. Правда, я не видал,
Чтобы месяц свой рог золотой показал,
Но и солнца не видел никто.
Без его даровых, благодатных лучей
Золоченые куполы пышных церквей
И вся роскошь столицы – ничто.
Надо всем, что ни есть: над дворцом и тюрьмой,
И над медным Петром, и над грозной Невой,
До чугунных коней на воротах застав
(Что хотят ускакать из столицы стремглав) –
Надо всем распростерся туман.
Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
Некрасив в эту пору наш город большой,
Как изношенный фат без румян...

Наша улица – улиц столичных краса,
В ней дома всё в четыре этажа,
Не лазурны над ней небеса,
Да зато процветает продажа.
Сверху донизу вывески сплошь
Покрывают громадные стены,

Сколько хочешь тут немцев найдешь –
Из Берлина, из Риги, из Вены.
Всё соблазны, помилуй нас бог!
Там перчатка с руки великана,

Там торчит Веллингтонов сапог,
Там с открытою грудью Диана,
Даже ты, Варсонофий Петров,
Подле вывески «Делают гробы»
Прицепил полуженные скобы
И другие снаряды гробов,
Словно хочешь сказать: «Друг-прохожий!
Соблазнься – и умри поскорей!»
Человек ты, я знаю, хороший,
Да многонько родил ты детей –
Непрестанные нужны заказы...
Ничего! обеспечен твой труд,
Бедность гибельней всякой заразы –
В нашей улице люди так мрут,
Что по ней то и знай на кладбища,
Как в холеру, тащат мертвецов:
Холод, голод, сырые жилища –
Не робей, Варсонофий Петров!..

В нашей улице жизнь трудовая:
Начинают ни свет ни заря
Свой ужасный концерт, припевая,
Токари, резчики, слесаря,
А в ответ им гремит мостовая!

Дикий крик продавца-мужика,
И шарманка с пронзительным воем,
И кондуктор с трубой, и войска,
С барабанным идущие боем,
Понуканье измученных кляч,
Чуть живых, окровавленных, грязных,
И детей раздирающий плач
На руках у старух безобразных –
Всё сливается, стонет, гудет,
Как-то глухо и грозно рокочет,
Словно цепи куют на несчастный народ,
Словно город обрушиться хочет.
Давка, говор... (о чем голоса?)
Всё о деньгах, о нужде, о хлебе)
Смрад и копоть. Глядишь в небеса,
Но отрады не встретишь и в небе.

Этот омут хорош для людей,
Расставляющих ближнему сети,
Но не жалко ли бедных детей!
Вы зачем тут, несчастные дети?
Неужели душе молодой
Уж знакомы нужда и неволя?
Ах, уйдите, уйдите со мной
В тишину деревенского поля!
Не такой там услышите шум, –
Там шумит созревающий колос,
Усыпляя младенческий ум
И страстей преждевременный голос.

Солнце, воздух, цветов аромат –
Это всех поколений наследство,
За пределами душных оград
Проведете вы сладкое детство.
Нет! вам красного детства не знать,
Не прожить вам покойно и честно.
Жребий ваш... но к чему повторять
То, что даже ребенку известно?

На спине ли дрова ты несешь на чердак,
Через лоб протянувши веревку,
Грош ли просишь, идешь ли в кабак,
Задают ли тебе потасовку –
Ты знаком уже нам, петербургский бедняк,
Нарисованный ловкою кистью
В модной книге, – угрюмый, худой,
Обессмысленный дикой корыстью,
Страхом, голодом, мелкой борьбой.
Мы довольно похвал расточали,
И довольно сплели мы венков
Тем, которые нам рисовали
Любопытную жизнь бедняков.
Где ж плоды той работы полезной?
Увидав, как читатель иной
Льет над книгою слезы рекой,
Так и хочешь сказать: «Друг любезный,
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманных книжонок,
Но не ставь за каретой гвоздей,

Чтоб, вскочив, накололся ребенок!»

О ПОГОДЕ

Часть вторая

I

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

«Государь мой! куда вы бежите?»
– В канцелярию; что за вопрос?
Я не знаю вас! – «Трите же, трите
Поскорей, бога ради, ваш пос!
Побелел!» – А! весьма благодарен! –
»Ну, а мой-то?» – Да ваш лучезарен! –
»То-то! принял я меры...» – Чего-с? –
»Ничего. Пейте водку в морозы –
Сбережете наверно ваш нос,
На щеках же появятся розы!»

Усмехнувшись, они разошлись,
И за каждым извозчик помчался.
Бедный Ванька! надеждой не льстись,
Чтоб сегодня седок отыскался:
Двадцать градусов, ветер притом –
Бескаретные ходят пешком.

Разыгрались силы господни!
На пространстве пяти сажений
Насчитаешь наверно до сотни
Отмороженных щек и ушей.
Двадцать градусов! щеки и уши, –
Не беда, – как-нибудь ототрем!
Целиком христианские души
Часто гибнут теперь; подождем –
Часовой ли замерзнет, бедняга,
Или Ванька, уснувший в санях,
Всё прочтем, коли стерпит бумага,
Завтра утром в газетных листах.

Ежедневно газетная проза
Обличает проделки мороза;
Кучера его громко клянут,
У подъездов господ поджидая,
Бедняки ему песню поют,
Зубом на зуб едва попадая:

«Уходи из подвалов сырых,
Полутемных, зловонных, дымящихся,

Уходи от голодных, больных,
Озабоченных, вечно трудящихся,
Уходи, уходи, уходи!
Петербургскую голь пощади!»

Но мороз не щадит, – прибавляется.
Приуныла столица; один
Самоед на Неве удивляется:
От каких чрезвычайных причин
На оленях никто не катается?
Там, где строй заготовленных льдин
Возвышается синею клеткою,
Ходит он со своей самоедкой,
Песни родины дальней поет,
Седока-благодетеля ждет...

Самоедские нервы и кости
Стерпят всякую стужу, но вам,
Голосистые южные гости,
Хорошо ли у нас по зимам?
Вспомним – Божио. Чванный Петрополь
Не жалел ничего для нее.
Но напрасно ты кутала в соболь
Соловьиное горло свое,
Дочь Италии! С русским морозом
Трудно ладить полуденным розам.

Перед силой его роковой
Ты поникла челом идеальным,

И лежишь ты в отчизне чужой
На кладбище пустом и печальном.
Позабыл тебя чуждый народ
В тот же день, как земле тебя сдали,
И давно там другая поет,
Где цветами тебя осыпали.
Там светло, там гудет контрабас,
Там по-прежнему громки литавры.
Да! на севере грустном у нас
Трудны деньги и дороги лавры!

Всевозможные тифы, горячки,
Воспаленья – идут чередом,
Мрут как мухи извозчики, прачки,
Мерзнут дети на ложе своем.
Ни в одной петербургской больнице
Нет кровати за сотню рублей.
Появился убийца в столице,
Бич довольных и сытых людей.
С бедняками, с сословием грубым,
Не имеет он дела! тайком
Ходит он по гостиным, по клубам
С смертоносным своим кистенем.

«Побранился с супругой своею
После ужина Нестор Фомич,
Ухватил за короткую шею
И прихлопнул его паралич!
Генерал Федор Карлыч фон Штубе,

Десятипудовой генерал,
Скушал четверть телятины в клубе,
Крикнул, ...пас!» – и со стула не встал!»
Таковы-то теперь разговоры,
Что ни день, то плачевная весть.
В клубах мрак и унынье; обжоры
Поклялися не пить и не есть.

Мучим голодом, страхом томимый,
Сановит и солиден на вид,
В сильный ветер, в мороз нестерпимый,
Кто по Невскому быстро бежит?
И кого он на Невском встречает?
И о чем начался разговор?
В эту пору никто не гуляет,
Кроме мнительных, тучных обжор.
Говоря меж собой про удары,
Повторяя обеты не есть,
Ходят эти угрюмые пары,
До обеда не смея присесть,
А потом наедаются вдвое,
И наутро разносится слух,
Слух ужасный – о новом герое,
Испустившем нечаянно дух!

Никакие известья из Вильно,
Никакие статьи из Москвы
Нас теперь не волнуют так сильно,
Как подобные слухи... Увы!

Неприятно с местечек солидных,
Из хороших казенных квартир
Вдруг, без всяких причин благовидных,
Удаляться в неведомый мир!
Впрочем, если уж смерть неизбежна,
Так зимой умирать хорошо:
Для супруги, нас любящей нежно,
Сохранимся мы чисто, свежо
До последней минуты лобзания,
И друзьям нашим будет легко
Подходить к нам в минуту прощанья;
Понесут они гроб далеко.
Похоронная музыка чище
И звончей на морозе слышна,
Вместо грязи покрыто кладбище
Белым снегом; сурово-пышна
Обстановка; гроб бросят не в лужу,
Червь не скоро в него заползет,
Сам покойник в жестокую стужу
Дольше важный свой вид сбережет.
И притом, если друг неутешный
Нас живьем схоронить поспешит,
Мы избавимся муки кромешной:
Дело смерти мороз довершит.

Умирай же, богач, в стужу сильную!
Бедняки пускай осенью мрут,
Потому что за яму могильную
Вдвое больше в морозы берут.

II

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО!

Свечерело. В предместьях дальних,
Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом, –
Начинаются мрачные сцены.
Но в предместий мы не пойдем.
Нам зимою приятней столица
Там, где ярко горят фонари,
Где гуляют довольные лица,
Где катаются сами цари.

Надышавшись классической пылью
В Петербурге, паспорт мы берем
И чихать уезжаем в Севилью.
Но кто летом толкается в нем,
Тот ему одного пожелает –
Чистоты, чистоты, чистоты!
Грязны улицы, лавки, мосты,

Каждый дом золотухой страдает;
Штукатурка валится – и бьет
Тротуаром идущий народ,
А для едущих есть мостовая,
Не щадящая бедных боков;
Летом взроют ее, починяя,
Да наставят зловонных костров:
Как дорогой бросаются в очи
На зеленом лугу светляки,
Ты заметишь в туманные ночи
На вершине костров огоньки –
Берегись!.. В дополнение, с мая,
Не весьма-то чиста и всегда,
От природы отстать не желая,
Зацветает в каналах вода...

(Наша Муза парит невысоко,
Но мы пишем не легкий сонет,
Наше дело исчерпать глубоко
Воспеваемый нами предмет.)
Уж давно в тебя летней порою
Не случилось нам заглянуть,
Милый город! где трудной борьбою
Надорвали мы смолоду грудь,
Но того мы еще не забыли,
Что в июле пропитан ты весь
Смесью водки, конюшни и пыли –
Характерная русская смесь.

Но зимой – дышишь вольно; для глаза –
Роскошь! Улицы, зданья, мосты
При волшебном сиянии газа
Получают печать красоты.
Как проворно по хрупкому снегу
Мчится тысячный, кровный рысак!
Даже клячи извозчичьи бегу
Прибавляют теперь. Каждый шаг,
Каждый звук так отчетливо слышен,
Всё свежо, всё эффектно: зимой,
Словно весь посеребренный, пышен
Петербург самобытной красой!
По каналам, что летом зловонны,
Блещет лед, ожидая коньков,
Серебром отливают колонны,
Орнаменты ворот и мостов;
В серебре лошадиные гривы,
Шапки, бороды, брови людей,
И, как бабочек крылья, красивы
Ореолы вокруг фонарей!

Пусть с какой-то тоской безотрадной
Месяц с ясного неба глядит
На Неву, что гробницей громадной
В берегах освещенных лежит,
И на шпиль, за угрюмой Невою,
Перед длинной стеной крепостною,
Наводящей унынье и сплин.
Мы не тужим. У русской столицы,

Кроме мрачной Невы и темницы,
Есть довольно и светлых картин.

Невский полон: эстампы и книги,
Бриллианты из окон глядят,
Вновь прибывшие девы из Риги
Неподдельным румянцем блестят.
Всюду люди – шумят, суетятся.
Вот красивая тройка бежит:
»Не хотите ли с нами кататься?» –
Деве бравый усач говорит.
Поглядела, подумала, села.
И другую сманили, – летят!
Полумерзлые девы несмело
На своих кавалеров глядят.
»Ваше имя?» – Матильда. – «А ваше?»»

– Александра. – К Матильде один,
А другой подвигается к Саше.

«Вы модистка?» – Да, шью в магазин. –
»Эй! пошел хорошенько, Тараска!»
Город из виду скоро пропал.

Начинается зимняя сказка:
Ветер злился, гудел и стонал,
Франты песню удалую пели,
Кучер громко подтягивал ей,
Кони, фыркая, вихрем летели,

Злой мороз пробирал до костей.
Прискакали в открытое поле.
– Да куда же везете вы нас?
Мы одеты легко... мудрено ли
Простудиться? – «Приедем сейчас!
Ну, потрогивай! Живо, дружище!»
Снова скачут! Могилы вокруг,
Монументы... «Да это кладбище», –
Шепчет Саша Матильде – и вдруг
Сани набок! Упали девицы...
Повернули назад господа,

И умчали их кони, как птицы.
Девы встали. «Куда ж вы? куда?»
Нет ответа! Несчастные девы
В чистом поле остались одни.
Дикий хохот, лихие напевы
Постепенно умолкли. Они
Огляделись: безлюдно и тихо,

Звезды с ясного неба глядят...
»Мы сегодня потешились лихо!» –
Франты в клубе друзьям говорят...

А театры, балы, маскарады?
Впрочем, здесь и конец, господа,
Мы бы там побывать с вами рады,
Но нас цензор не пустит туда.
До того, что творится в природе,

Дела нашему цензору нет.

»Вы взялись писать о погоде,

Воспевайте же данный предмет!»

– Но озябли мы, друг наш угрюмый!

Пощади – нам погреться пора! –

»Вот вам случай – взгляните: над Думой

Показались два красных шара,

В вашей власти наполнить пожаром

Сто страниц – и погреесть даром!»

Где ж пожар? пешеходы глядят.

Чу! неистовый топот раздался,

И на бочке верхом полицейский солдат,

Медной шапкой блестя, показался.

Вот другой – не поспеешь считать!

Мчатся вихрем красивые тройки.

Осторожней, пожарная рать!

Кони сытые слишком уж бойки.

Вся команда на борзых конях

Через Невский проспект прокатилась

И на окнах аптек, в разноцветных шарах

Вверх ногами на миг отразилась...

Озадаченный люд толковал,

Где пожар и причина какая?

Вдруг еще появился сигнал,

И промчалась команда другая.

Постепенно во многих местах
Небо вспыхнуло заревом красным,
Топот, грохот! Народ впопыхах
Разбежался по улицам разным,
Каждый в свой торопился квартал,
»Не у нас пи горит? – помышляя, –
Бог помилуй!» Огонь не дремал,
Лавки, церкви, дома пожирая...
Семь пожаров случилось в ту ночь,
Но смотреть их нам было невмочь.
В сильный жар да в морозы трескучие
В Петербурге пожарные случаи
Беспреданны – на днях как-нибудь
И пожары успеем взглянуть...

БАЛЕТ

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья,
Но, каюсь, *ножка Терпсихоры*
Прелестней чем-то для меня;
Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,
Влечет условною красой
Желаний своевольный рой...

Пушкин

Свирепеет мороз непамятный.
Нет, на улице трудно дышать.
Муза! нынче спектакль бенефисный,
Нам в театре пора побывать.

Мы вошли среди криков и плеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест,
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд.
Лучезарней румяного Феба
Эти звезды: заметно тотчас,
Что они не нахватаны с неба –
Звезды неба не яркие у нас.

Если б смелым, бестрепетным взглядом
Мы решились окинуть тот ряд,
Что зовут «бриллиантовым рядом»,
Может быть, изощренный наш взгляд
И открыл бы предмет для сатиры
(В самом солнце есть пятнышки). Но – :
Немы струны карающей лиры,
Вихорь жизни порвал их давно!

Знайте, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.
»Пораженным стрелой Купидона»
Не насмешка – сердечный привет!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснись ни военных чинов,
Ни на службе крылатому богу
Севших на ноги статских тузов.
Накрахмаленный денди и щеголь
(То есть: купчик – кутила и мот)
И мышиный жеребчик (так Гоголь
Молодящихся старцев зовет),
Записной поставщик фельетонов,
Офицеры гвардейских полков
И безличная сволочь салонов –
Всех молчаньем прейти я готов!
До балета особенно страстны
Армянин, персиянин и грек,
Посмотрите, как лица их красны
(Не в балете ли весь человек?),

Но и их я оставлю в покое,
Никого не желая сердить.
Замышляю я нечто другое –
Я загадку хочу предложить.

В маскарадной и в оперной зале,
За игрой у зеленых столов,
В клубе, в думе, в манеже, на бале,
Словом: в обществе всяких родов,
В наслажденье, в труде и в покое,
В блудном сыне, в почтенном отце, –
Есть одно – *угадайте, какое?* –
Выраженье на русском лице?..
Впрочем, может быть, вам недосужно.
Муза! дай – если можешь – ответ!
Спору нет: мы различны наружно,
Тот чиновник, а этот корнет,
Тот помешан на тонком приличье,
Тот играет, тот любит поесть,
Но взглядишь: при наружном различье
В нас единство глубокое есть:
Нас безденежье всех уравнило –
И великих, и малых людей –
И на каждом челе начертало
Надпись: «Где бы занять поскорей?»

Что, не так ли?..

История та же,
Та же дума на каждом лице,

Я на днях прочитал ее даже
На почтенном одном мертвце.
Если старец игрив чрезвычайно,
Если юноша вешает нос –
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!

Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить,
Но занять, говорят, невозможно,
Невозможнее долг получить.
Говорят, никаких договоров
Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
Держит сторону их – говорят...
Осуждают юристы героя,
Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в долговом отделенье
Насиделось бы всё население,
Если б был губернатор другой!

Разорило чиновников чванство,
Прожилась за границую знать,
Отчего оголело дворянство,
Неприятно и речь затевать!
На цветы, на подарки актрисам,
Правда, деньги еще достаем,
Но зато пред иным бенефисом

Рубль на рубль за неделю даем.
Как же быть? Не дешевая школа
Поощрение граций и муз...
Вянет юность обоюга пола,
Терпит даже семейный союз:
Тщетно юноши рыщут по балам,
Тщетно барышни рядятся в пух –
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух!
Сокрушаются Никольс и Плинке,²

Без почину товар их лежит,
Сбыта нет самой модной новинке
(Догадайтесь – откройте кредит!),
Не развозят картонок нарядных
Изомбар, Андрие и Мошра,³
А звонят у подъездов парадных
С неоплаченным счетом с утра.
Что модистки! злосчастные прачки
Ходят месяц за каждым рублем!

Опустели рысистые скачки,
Жизни нет за зеленым столом.
Кто, бывало, дуря с азарту,
Кряду игрывал по сту ночей,
Пообедав, поставит на карту
Злополучных пятнадцать рублей

² Хозяева английского магазина.

³ Известные модистки.

И уходит походкой печальной
В думу, в земство и даже в семью
Отводить болтовней либеральной
Удрученную душу свою.
С богом, друг мой! В любом комитете
Побеседовать можешь теперь
О кредите, о звонкой монете,
Об «итогах» дворянских потерь,
И о «брате» в нагольном тулупе,
И о том, за какие грехи
Нас журналы ругают и в клубе
Не дают нам стерляжьей ухи!
Там докажут тебе очевидно,
Что карьера твоя решена!

Да! трудненько и даже обидно
Жить, – такие пришли времена!
Купишь что-нибудь – дерзкий приказчик
Ассигнацию щупать начнет
И потом, опустив ее в ящик,
Долгим взором тебя обведет, –
Так и треснул бы!..

Впрочем, довольно!
Продолжать бы, конечно, я мог,
Факты есть, но касаться их больно!
И притом сохрани меня бог,
Чтоб я стих мой подделкою серий
И кредитных бумаг замарал, –

»Будто нет благородней материй?» –
Мне отечески «некто» сказал.
С этим мнением вполне я согласен,
Мир идей и сюжетов велик:
Например, как волшебно прекрасен
Бельэтаж – настоящий цветник!
Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены, –
Сотня тысяч рублей, что ни грудь!
В жемчуге лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!
В этих ложах – мужчины евреи,
Или греки, да немцы в крестах.
Нет купечества русского (стужа
Напугала их, что ли?) Одна
Откупщица, втянувшая мужа
В модный свет, в бельэтаже видна.
Весела ты, но в этом веселье
Можно тот же вопрос прочесть.
И на шее твоей ожерелье –
Погодила б ты им щеголять!
Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты в нем восхитительна, но –
Не затих еще шепот скандальный,
Будто было в закладе оно:
Говорят, чтобы в нем показаться
На каком-то парадном балу, –
Перед гнусным менялой валяться

Ты решилась на грязном полу,
И когда возвращалась ты с бала,
Ростовщик тебя встретил – и снял
Эти перлы... Не так ли достала
Ты опять их?.. Кредит твой упал,
С горя запил супруг сокрушенный,
Бог бы с ним! Расставаться тошней
С этой чопорной жизнью салонной
И с разгулом интимных ночей;
С этим золотом, бархатом, шелком,
С этим счастьем послов принимать.

Ты готова бы с бешеным волком
Покумиться, – чтоб снова блистать,
Но свершились пути провиденья,
Всё погибло – и деньги, и честь!
Нисходи же ты в область забвенья
И супругу дай дух перевести!
Слаще пить ему водку с дворецким,
»Не белы-то снеги» распевать,
Чем возиться с посольством турецким
И в ответ ему глупо мычать...

Тешить жен – богачам не забота,
Им простительна всякая блажь.
Но прискорбно душе патриота,
Что чиновницы рвутся туда ж.
Марья Савишна! вы бы недели
Платье проще! – Ведь как ни рядись,

Не оденетесь лучше камелий
И богаче французских актрис!
Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой
Да в хозяйство прикиньте хоть грош,
А то с дочерью, с мужем, с собачкой
За полтину обед не хорош!

Марья Савишна глаз не спускала
Между тем с старика со звездой.
Вообще в бельэтаже сияло
Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила – пленяли
Сердце женское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее,
Идеал их – телец золотой,
Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота...

Время антракта
Наконец-то прошло как-нибудь.
(Мы зевали два первые акта,
Как бы в третьем совсем не заснуть.)
Все бинокли приходят в движенье –
Появляется кордебалет.

Здесь позволю себе отступление:

Соответственной живости нет
В том размере, которым пишу я,
Чтобы прелесть балета воспеть.
Вот куплеты: попробуй, танцуя,
Театрал, их под музыку петь!

Я был престранных правил,
Поругивал балет.
Но раз бинокль подставил
Мне генерал-сосед.

Я взял его с поклоном
И с час не возвращал,
»Однако, вы – *астроном!*» –
Сказал мне генерал.

Признаться, я немножко
Смутился (о профан!)
– Нет... я... но эта ножка...
Но эти плечи... стан... –

Шептал я генералу,
А он, смеясь, в ответ:
«*В стремленье к идеалу*
Дурного, впрочем, нет.

Не всё ж читать вам Бокля!
Не стоит этот Бокль
Хорошего бинокля...

Купите-ка бинокль!..»

Купил! – и пред балетом
Я преклонился ниц.
Готов я быть поэтом
Прелестных танцовщиц!

Как не любить балета?
Здесь мирный гражданин
Позабывает лета,
Позабывает чин,

И только ловят взоры
В услужливый лорнет
Что «ножкой Терпсихоры»
Именовал поэт.

Не так следит астроном
За новою звездой,
Как мы... но для чего нам
Смеяться над собой?

В балете мы наивны,
Мы глупы в этот час:
Почти что конвульсивны
Движения у нас:

Вот выпорхнула дева,
Бинокли поднялись;

Взвилася ножка влево –
Мы влево подались;

Взвилася ножка вправо –
Мы вправо... «Берегись!
Не вывихни сустава,
Приятель!..» – Фора! bis! –

.....

Bis!.. Но девы, подобные ветру,
Улетели гирляндой цветной!
(Возвращаемся к прежнему метру):
Пантомимного сценой большой
Утомились мы; вальс африканский
Тоже вышел топорен и вял,
Но явилась в рубахе крестьянской
Петипа – и театр застонал!
Вообще мы наклонны к искусству,
Мы его поощряем, но там,
Где есть пища народному чувству,
Торжество настоящее нам;
Неужели молчать славянину,
Неужели жалеть кулака,
Как Бернарди затянет «Лучину»,
Как пойдет Петипа трепака?..
Нет! где дело идет о народе,
Там я первый увлечься готов.
Жаль одно: в нашей скудной природе
На венки не хватает цветов!

Всё – до ластовиц белых в рубахе –
Было верно: на шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе...
Не артистка – волшебница ты!
Ничего не видали вовеки
Мы сходней: настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крик.
Всё слилось в оглушительном «браво»,
Дань народному чувству платя.
Только ты, моя Муза! Лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя...
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что ж ты думаешь, Муза моя?..

На конек ты попала обычный –
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столичной
Петипа пожинает венки,
И ты думаешь: «Гурия рая!
Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевав, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,

Зиму дома сидеть не любя.
Подстрекаемый лютым морозом,
Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
Пляшет он – даже песни поет!..»

А то есть и такие обозы
(Вот бы Роллер нам их показал!) –
В январе, когда крепки морозы
И народ уже рекрутов сдал,
На Руси, на проселках пустынных
Много тянется поездов длинных...

Прямиком через реки, поля
Едут путники узкой тропой:
В белом саване смерти земля,
Небо хмурое полное мглою.
От утра до вечерней поры
Всё одни пред глазами картины.
Видишь, как, обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лощины;
Видишь, как эта снежная пыль,
Непрерывной волной набегая,
Под собой погребает ковыль,
Всегубящей зиме помогая;
Видишь, как под кустом иногда
Припорхнет эта малая пташка,
Что от нас не летит никуда –
Любит скудный наш север, бедняжка!

Или, щелкая, стая дроздов
Пролетит и посядет на ели;
Слышишь дикие стоны волков
И визгливое пенье метели...
Снежно – холодно – мгла и туман...
И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет караван
С седоками в промерзлой овчине.

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,
Бабы спрятали лица в платки,
Только вздох иногда пронесется
Или крик: «Ну! чего отстаешь? –
Седоком одним меньше везешь!..»

Но напрасно мужик огрызается.
Кляча еле идет – упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
Словно до сердца поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю – и стонет она,
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты – крестьянское горе!

Ой ты кладь, незаметная кладь!
Где придется тебя выгружать?..

Как от выстрела дым расплзается

На заре по росистым травам,
Это горе идет – подвигается
К тихим селам, к глухим деревням.
Вон – направо – избенки унылые,
Отделилась подвода одна,
Кто-то молвил: «Господь с вами, милые!» –
И пропала в сугробах она...

Чу! клячонку хлестнул старичина...
Эх! чего ты торопишь ее!
Как-то ты, воротившись без сына,
Постучишься в окошко свое?..

В сердце самое русского края
Доставляется кладь роковая!
Где до солнца идет за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,
Там найдется кому эту кладь
По суровым сердцам разобрать,
Там она приютится, попрячется –
До другого набора заплачется!

ОСИПУ ИВАНОВИЧУ КОМИССАРОВУ

Не громка моя лира, в ней нет
Величавых, торжественных песен,
Но придет, народится поэт,
Вдохновеньем могуч и чудесен,

Он великую песню споет,
И героями песни той чудной
Будут: царь, что стезей многотрудной
Царство русское к счастью ведет;

Царь, покончивший рабские стоны,
Вековую бесправность людей
И свободных сынов миллионы
Даровавший отчизне своей;

И крестьянин, кого возрастил
В недрах Руси народ православный,
Чтоб в себе – весь народ он явил
Охранителем жизни державной!

Сын народа! тебя я пою!
Будешь славен ты много и много...
Ты велик – как орудие бога,

Направлявшего руку твою!

ПЕСНИ

I

У людей-то в дому – чистота, лепота,
А унас-то в дому – теснота, духота.

У людей-то для щей – с солонинкою чан,
А унас-то во щях – таракан, таракан!

У людей кумовья – ребятишек дарят,
А унас кумовья – наш же хлеб приедят!

У людей на уме – поговорить с кумой,
А унас на уме – не пойти бы с сумой?

Кабы так нам зажить, чтобы свет удивить:
Чтобы деньги в мошне, чтобы рожь на гумне;

Чтобшля в бубенцах, расписная дуга,
Чтобсукно на плечах, не посконь-дерюга;
Чтоб не хуже других нам почет от людей,
Поп в гостях у больших, у детей – грамотей

Чтобы дети в дому – словно пчелы в меду,

А хозяйка в дому – как малинка в саду!

II

КАТЕРИНА

Вянет, пропадает красота моя!
От лихого мужа нет в дому житья.

Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит,
Сам что ни попало из дому тащит!

Не того ждала я, как я шла к венцу!
К брату я ходила, плакалась отцу,

Плакалась соседям, плакалась родной,
Люди не жалеют – ни чужой, ни свой!

«Потерпи, родная, – старики твердят, –
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи, сестрица! – отвечает брат. –
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи! – соседи хором говорят. –

Милого побои не долго болят!»

Есть солдатик – Федя, дальняя родея,
Он один жалеет, любит он меня;

Подмигну я Феде, – с Федей мы вдвоем
Далеко хлебами за село уйдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,
Всё отдам я Феде – всё, чего не жаль!

«Где ты пропадала?» – спросит муженек.
– Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь! –
»Ах ты дура баба! ты еще и врешь...»

Станет горячиться, станет попрекать...
Пусть его бранится, мне не привыкать!

А и поколотит – не велик наклад –
Милого побои не долго болят!

Ш

МОЛОДЫЕ

Повенчавшись, Парасковье
Муж имущество казал:
Это стойлице коровье,
А коровку бог прибрал!

Нет перинки, нет кровати,
Да теплы в избе полати,
А в клети, вместо телят,
Два котеночка пищат!

Есть и овощ в огороде –
Хрен да луковица,
Есть и медная посуда –
Крест да пуговица!

IV

СВАТ И ЖЕНИХ

(В кабаке за полуштофом)

1

Ну-тко! Марья у Зиновья,
У Никитишны Прасковья,
Степанида у Петра –
Все невесты, всем пора!
У Кондратьевны Орина, –
Что ни девка, то малина!
Думай, думай! выбирай!
По любую засылай!
Марья малость рябовата,
Да смиренна, вожевата,
Марья, знаешь, мне сродни,
Будет с мужем – ни-ни-ни!

Ай да Марья! Марья – клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,

И с корявой можно жить,
Да чтоб мужу на порох
Не вставала поперек!
Ай да Марья, Марья – клад!
Сватай Марью, Марью, сват!

2

Ну-тко! Вера у Данилы,
Палагея у Гаврилы,
Секлетя у Фрола, –
Замуж всем пора пришла!
У Никиты – Катерина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай – выбирай!
По любую засылай!
Марья, знаешь, шедровита,
Да работать, ух! сердита!
Марья костью широка,
Высока, статна, гладка!

Ай да Марья, Марья – клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб мясо на костях,

Чтобы силушка в руках!
Ай да Марья! Марья – клад!
Сватай Марью, Марью, сват!..

3

Ну-тко! Анна у Егора,
У Антипки Митродора,
Александра у Петра –
Все невесты, всем пора!
У Евстратья – Акулина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай – выбирай!
По любую засылай!
Марья точно щедровита,
Да хозяйка домовита:
Всё примоеет, приберет,
Всё до нитки сбережет!

Ай да Марья! Марья – клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб по двору прошла,
Всех бы курочек сочла!
Ай да Марья, Марья – клад!

Сватай Марью, Марью, сват!

(Спрашивают еще полуштоф и начинают снова.)

V

ГИМН

Господь! твори добро народу!

Благослови народный труд,

Упрочь народную свободу,

Упрочь народу правый суд!

Чтобы благие начинанья

Могли свободно возрасти,

Разлей в народе жажду знанья

И к знанью укажи пути!

И от ярма порабощенья

Твоих избранников спаси,

Которым знамя просвещенья,

Господь! ты вверишь на Руси!..

ЕЩЕ ТРОЙКА

Ямщик лихой, лихая тройка
И колокольчик под дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телегу мчат. В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.

Все кони взмылены с натуги,
Весь ад осенней русской вьюги
Навстречу; не видать небес,
Нигде жилья не попадает,
Всё лес кругом, угрюмый лес...
Куда же тройка поспешает?
Куда Макар телят гоняет.

2

Какое ты свершил деянье,
Кто ты, преступник молодой?
Быть может, ты имел свиданье

В глухую ночь с чужой женой?
Но подстерег супруг ревнивый
И длань занес – и оскорбил,
А ты, безумец горделивый,
Его на месте положил?

Ответа нет. Бушует вьюга,
Завидев кабачок, как друга,
Жандарм командует: «Стоять!»
Девятый шкалик выпивает...
Чу! тройка тронулась опять!
Гремит, звенит – и улетает
Куда Макар телят гоняет.

3

Иль погубил тебя презренный,
Но соблазнительный металл?
Дитя корысти современной,
Добра чужого ты взалкал,
И в доме издавна знакомом,
Когда все погрузились в сон,
Ты совершил грабеж со взломом
И пойман был и уличен?

Ответа нет. Бушует вьюга;

Обняв преступника, как друга,
Жандарм напившийся храпит;
Ямщик то свищет, то зевает,
Поет... А тройка всё гремит,
Гремит, звенит – и улетает
Куда Макар телят гоняет.

4

Иль, может быть, ночным артистом
Ты не был, друг? и просто мы
Теперь столкнулись с нигилистом,
Сим кровожадным чадом тьмы?
Какое ж адское коварство
Ты помышлял осуществить?
Разрушить думал государство
Или инспектора побить?

Ответа нет. Бушует вьюга,
Вся тройка в сторону с испуга
Шарахнулась. Озлясь, кнутом
Ямщик по всем по трем стегает;
Телега скрылась за холмом,
Мелькнула вновь – и улетает
Куда Макар телят гоняет!..

С РАБОТЫ

«Здравствуй, хозяйюшка! Здравствуйте, детки!
Выпить бы. Эки стоят холода!»

– Ин ты забыл, что намедни последки
Выпил с десятником? –

«Ну, не беда!

И без вина отогреюсь я, грешный,
Ты обряди-ка савраску, жена,
Поголодал он весною, сердечный,
Как подобралась сена.

Эк я умаялся!.. Что, обрядила?

Дай-ка горяченьких щец».

– Печи я нынче, родной, не топила,
Не было, знаешь, дровец! –

«Ну, и без щей поснедаю я, грешный.

Ты овсеца бы савраске дала, –

В лето один он управил, сердечный,
Пашни четыре тягла.

Трудно и нынче нам с бревнами было,

Портится путь... Ин и хлебушка нет?..»

– Вышел, родной... У соседей просила,

Завтра сулили чем свет! –

«Ну, и без хлеба улягусь я, грешный.
Кинь под савраску соломки, жена!
В зиму-то вывез он, вывез, сердечный,
Триста четыре бревна...»

* * *

Не рыдай так безумно над ним,
Хорошо умереть молодым!

Беспощадная пошлость ни тени
Положить не успела на нем,
Становись перед ним на колени,
Украшай его кудри венком!
Перед ним преклониться не стыдно,
Вспомни, сколько пали в борьбе,
Сколько раз уже было тебе
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Под холодную крышку гроба
На нее не наложат пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой брат

Не был гордою волей богат,
Но, ты знаешь, кто ближнего любит
Больше собственной славы своей,
Тот и славу сознательно губит,
Если жертва спасает людей.
Но у жизни есть мрачные силы –
У кого не слабели шаги
Перед дверью тюрьмы и могилы?
Долговечность и слава – враги.

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут,
О которых народ замечает:
»У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает...»

КУЗНЕЦ

(Памяти Н. А. Милютина)

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал.
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал.
В чем погрешу и чего не доделаю,
Думал, – исправят потом.
Грубо ковал ты, но руку умелую
Видно донине во всем.
С кем ты делился душевной повестью,
Тот тебя знает один.
Спи безмятежно, с покойною совестью,
Честный кузнец-гражданин!

СТИХОТВОРЕНИЯ ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

I

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом – не тележка у дядюшки Якова.
Господи боже! чего-то в ней нет!
Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.
Ездит старик, продает понемногу,
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава богу.
Пусто в деревне, ему ничего,
Знает, где люди: и куплю, и мену
На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе всё, что полюбится, – на!
Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит – кричит то и знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома –
На грош два кома!
Девкам утехи –
Рожки, орехи!
Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь – любви.
Раскусишь – сладки,
Оближешь губы!..»

– Стой, старина! – Старика обступили,
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накупили –
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь – загляденье, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
Жалко девочку сиротку Феклугпу:
Все-то жуют, а ты слюнки глотай...

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»
»У дядюшки у Якова
Про баб товару всякого.
Ситцу хорошего –
Нарядно, дешево!
Эй! молодежи!
Красны девицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Всё – чего надо!..»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен, и полотно, и пряжу несут.
»Стойте! не вдруг! белены вы объелись?
Тише! поспеете!..» Так вот и рвут!
Зорок торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:
– Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,
Не дорожись! –
»Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь – прощай!»

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»
»У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки –
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки не ценны;
По гривне штука –
Деткам наука!
Для ребятишек –
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток – полтина,
Глянь – и картина!
Ей-ей утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь...
По буквари!
По буквари!

Хватай – бери!
Читай – смотри!»

И букварей-таки много купили:
– Будет вам пряников; нате-ка вам! –
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.
Книжки с картинками, писаны четко –
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша-сиротка,

Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
»Коли бедна ты, так будь ты умна!»
Экой старик! видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

II

ПЧЕЛЫ

На-тко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!

Нынче не в меру вода разлилась,
Думали, просто идет наводнение,
Только и сухо, что наше селение
По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес, и луга вдалеке,
Ну – и летит, – ничего налегке,
А как назад полетит нагруженная,
Сил не хватает у милой. Беда!
Пчелами вся запестрела вода,
Тонут работницы, тонут сердечные!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы вовек!
Да нанесло человека хорошего,
Под Благовещенье помнишь прохожего?
Он надоумил, Христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили:

Я при прохожем тужил-тосковал;
»Вы бы им до суши вежи поставили»,
Это он слово сказал!
Веришь: чуть первую вежу зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!
Какбогомолки у церкви на лавочке,
Сели – сидят.

Набугре-то ни травочки,
Нуа в лесу и в полях благодать:
Пчелкам не страшно туда залетать,
Всё от единого слова хорошего!
Кушай на здравие, будем с медком.
Благослови бог прохожего!

Кончил мужик, осенился крестом;
Мед с караваем парнишка докушал,
Тятину притчу тем часом прослушал,
И за прохожего низкий поклон
Господу богу отвесил и он.

Ш

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщикок обратный;
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка –
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщикок
Вожака с медведем:
»Посади нас, паренек,
Веселей доедем!»
– Что ты? с мишкой? – «Ничего!
Он у нас смиренный,

Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!»
– Ну, садитесь! – Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам – и потрусил

Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
»Подожди ты нас часок!» –
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен, –
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...
Час проходит; нет ребят,
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело, Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч,
Копи дернули; стряслась
Тут беда большая –
Рявкнул мишка! – понеслась
Тройка как шальная!

Колокольчик услышал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно – не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась

Тройка – и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
»Очищай дорогу!
Сам Топтыгин-генерал
Едет на берлогу!»
Вздрагнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А копям подавно страх –
Не передохнули!
Верст пятнадцать па весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции легат
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая:
Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо

Выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,

Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит – барин материк,
»Генерал», – смекает.
Поспешил фуражку сняты
»Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
»Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Иисусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»

Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
Видят – дело не с руки,
Что-то тут негоже!

Собрался честной народ,
Всё село в тревоге:
»Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!»
Трусбежит, а кто смелей,
Те – потехе ради,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
»В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал
И со всею свитой...

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

I

В августе, около Малых Вежей,
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красиво,
Истари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему – скука!

За сорок верст в Кострому напрямом
Сбегать лесами ему нипочем:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». – А леший? – «Не верю!

Раз в кураже я их звал-подждал
Целую ночь, – никого не видал!

За день грибов собираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую угод

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили,

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалит дедушка – заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
»Врешь – упадешь!» – добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,

Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за кустом – тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит – и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
– Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголочками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею! –

«Вот так охотник!» – Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слышал.
Дети, для вас я один записал...

II

Старый Мазай разболтался в сарае:
»В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, – их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, –
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал – их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет –
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой –
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,

Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!

Прыгнули зайцы мои, – ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой:
...То-то! – сказал я, – не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его – тягота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха –
Еле жива, а толста как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном –
Сильно Дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десятков спасалось на нем.
...Взял бы я вас – да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку –
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
„Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,

Лодку качают, грести не дают:

Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил – и «с богом!» сказал...

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: „У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь – бух!
И ляжешь... У-у-у-х!...»

Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось –
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклат – и домой приволок.
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выпались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул – и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:

„Не попадайтесь зимой!»

Я их не бью ни весной, ни летом,
Шкура плохая, – линяет косой...»

СОЛОВЬИ

Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
»Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас буренку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рощицу свожу –
Пойдем соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей, –
Да не мешай же мне, проказник! –
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девы красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

И хорошо и любо всем...
Да только (Клим, не трогай Сашу!)
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлцбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене, – тут много их ловили,
Ну, испугалися сетей
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал ваш дед,
Весна, а роща как немая
Стоит – гостей залетных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил,
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой –
Умел же бог на ум наставить –
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще пашей,
И нынче, милые мои,

Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибудет...
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру будит...

Запомнить надобно и вам,
Избави бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Средний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,
А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед нею:

– А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете? –
»Нет, мест таких... без податей
И без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,

Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки!»»

НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА

I

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нем:

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева – долина,
Как скатерть ровна.

Пестрел деревнями,
Дорогами дол,
Он всё понижался
И к озеру шел.

Ни озера, дети,
Забуть не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:

Тут чудо-картину
Я видел тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

II

Начну по порядку:
Я ехал весной,
В страстную субботу,
Пред самой Святой.

Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;

Скучая смертельно,
Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь,
Маляр, водовоз?

Нетрудное дело!
Идут кузнецы –
Кто их не узнает?

Они молодцы

И петь и ругаться,
Да день не такой!
Идет кривоногий
Гуляка-портной:

В одном сертучишке,
Фуражка как блин, –
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!

Смотрите – красильщик!
Узнаешь сейчас:
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз;

Он кисти и краски
Несет за плечом,
И словно ландкарта
Передник на нем.

Вот пыльщики: сайку
Угрюмо жуют
И словно солдаты
Все в ногу идут,

А пилы стальные
У добрых ребят,

Как рыбы живые,
На плечах дрожат!

Я доброго всем им
Желаю пути,
В родные деревни
Скорее прийти,

Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить Святую
С веселой душой...

Ш

Стемнело. Болтая
С моим ямщиком,
Я ехал всё тем же
Высоким холмом;

Взглянул на долину,
Что к озеру шла,
И вижу – долина
Моя ожила:

На каждой тропинке,

Ведущей к селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идет
С пучками горящей
Соломы народ.

Куда? Я подумать
О том не успел,
Как колокол громко
Ответ прогудел!

У озера ярко;
Горели костры, –
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свете горящей
Соломы, – толпы...
У божьего храма
Сходились тропы, –

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
Картина была!..

УТРО

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю – здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам – железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли – там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:

Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
Наводнение столице грозит...
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит – попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем этаже раздался
Выстрел – кто-то покончил с собой...

ПУТЕШЕСТВЕННИК

В городе волки по улицам бродят,
Ловят детей, гувернанток и дам,
Люди естественным это находят,
Сами они подражают волкам.

В городе волки, и волки на даче,
А уж какая их тьма по Руси!
Скоро, уж там не останется клячи...
Ехать в деревню? Теперь-то? Merci! ⁴

Прусский барон, опоясавши выю
Белым жабо в три вершка ширины,
Ездит один, изучая Россию,
По захолустьям несчастной страны:

«Как у вас хлебушко?» – Нет ни ковриги
»Где у вас скот?» – От заразы подох!
А заикнулся про школу, про книги – «
Прочь побежали. – Помилуй нас бог!

Книг нам не надо – неси их к жандар;
В прошлом году у прохожих людей
Мы их купили по гривне за пару,

⁴ Спасибо (франц.).

А натерпелись на тыщу рублей! –

Думает немец: «Уж я не оглох ли?..
К школе привешен тяжелый замок,

Нивы посохли, коровы подохли,
Как эти люди заплатят оброк?»

«Что наблюдать? что записывать в книжку?» –
В грусти барон сам с собой говорит...
Дай ты им гривну да хлеба коврижку,
И наблюдай, немчура, аппетит...

ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Даже вполголоса мы не певали,
Мы – горемыки-певцы!
Под берегами мы ведро прождали,
Словно лентяи-пловцы.

Старость подходит – недуги да горе;
Жизнь бесполезно прошла.
Хоть на прощанье в открытое море,
В море царящего зла,

Прямо и смело направить бы лодку. –
Сунься-ка!.. Сделаешь шаг,
А на втором перервут тебе глотку!
Друг моей юности (ныне мой враг)

Я не дивлюсь, что отчизну любезную
Счел ты за лучшее кинуть;
Жить для нее – надо силу железную,
Волю железную – сгинуть.

ЭЛЕГИЯ

А. Н. Е<рако>ву

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна,
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам.
Оплакивать их рок, служить им будет Муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ,
В то время как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира –
Чему достойнее служить могла бы лира?..

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил – и сердцем я спокоен...
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...
Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умиление...

»Довольно ликовать в наивном увлеченье, –
Шепнула Муза мне. – Пора идти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,
Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы –
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долготу пришедшая на смену
Свобода наконец внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят доли, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзвуки,
И лес откликнулся... Природа внемлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,

Кому посвящены мечтания поэта, –
Увы! не внимлет он – и не дает ответа...

ПРОРОК

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
»Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!«

Так мыслит он – и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет – он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

ПОЭТУ

(Памяти Шиллера)

Где вы – певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача...

Толпа гласит: «Певцы не нужны веку!»
И нет певцов... Замолкло божество...
О, кто ж теперь напомнит человеку
Высокое призвание его?..

Прости слепцам, художник вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факел свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мертвыми очами
Мог созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венцы с предательских голов,

Увлечших мир с пути любви и братства,
Стяжанного усилиями веков,

На путь вражды!.. В его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты.
В твоей груди, гонимый жрец искусства,
Трон истины, любви и красоты.

КАК ПРАЗДНУЮТ ТРУСУ

Время-то есть, да писать нет возможности.

Мысль убивающий страх:

Не перейти бы границ осторожности –

Голову держит в тисках!

Утром мы наше село посещали,

Где я родился и взрос.

Сердце, подвластное старой печали,

Сжалось; в уме шевельнулся вопрос:

Новое время – свободы, движенья,

Земства, железных путей.

Что ж я не вижу следов обновленья

В бедной отчизне моей?

Те же напевы, тоску наводящие,

С детства знакомые нам,

И о терпении новом молящие

Те же попы по церквам.

В жизни крестьянина, ныне свободного,

Бедность, невежество, мрак.

Где же ты, тайна довольства народного?

Ворон в ответ мне прокаркал: «Дурак!»

Я обругал его грубо невежею.
На телеграфную нить
Он пересел. «Не донос ли депешей
Хочет в столицу пустить?»

Глупая мысль, но я, долго не думая,
Метко прицелился. Выстрел гремит:
Падает замертво птица угрюмая,
Нить телеграфа дрожит...

З<И>НЕ

Ты еще на жизнь имеешь право,
Быстро я иду к закату дней.
Я умру – моя померкнет слава,
Не дивись – и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгим, ярким светом
Не гореть на имени моем:
Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата-человека,
Только тот себя переживет...

* * *

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Узы дружбы, союзов сердечных –
Всё порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвой насилья, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

СЕЯТЕЛЯМ

Сеятель знания на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,

Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупницами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

МОЛЕБЕН

Холодно, голодно в нашем селении.
Утро печальное – сырость, туман,
Колокол глухо гудит в отдалении,
В церковь зовет прихожан.
Что-то суровое, строгое, властное
Слышится в звоне глухом,
В церкви провел я то утро ненастное –
И не забуду о нем.
Всё население, старо и молодо,
С плачем поклоны кладет,
О прекращении лютого голода
Молится жарко народ.
Редко я в нем настроение строже
И сокрушенной видал!
»Милуй народ и друзей его, боже! –
Сам я невольно шептал. –
Внемли моление наше сердечное
О послуживших ему...
Об осужденных в изгнание вечное,
О заточенных в тюрьму,
О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
Молимся, боже, тебе».

ПОЭТУ

Любовь и Труд – под грудями развалин!
Куда ни глянь – предательство, вражда,
А ты молчишь – бездействен и печален,
И медленно стораешь со стыда.
И небу шлешь укор за дар счастливый:
Зачем тебя венчало им оно,
Когда душе мечтательно-пугливой
Решимости бороться не дано?..

ОСЕНЬ

Прежде – праздник деревенский,
Нынче – осень голодна;
Нет конца печали женской,
Не до пива и вина.
С воскресенья почтой бредит
Православный наш народ,
По субботам в город едет,
Ходит, просит, узнает:
Кто убит, кто ранен летом,
Кто пропал, кого нашли?
По каким-то лазаретам
Уцелевших развезли?
Так ли жутко! Свод небесный
Темен в полдень, как в ночи;
Не сидится в хате тесной,
Не ложится на печи.
Сыт, согрелся, слава богу,
Только спать бы! Нет, не спишь –
Так и тянет на дорогу,
Ни за что не улежишь.
И бойка ж у нас дорога!
Так увечных возят много,
Что за ними на бугре,
Как проносятся вагоны,

Человеческие стоны
Ясно слышны на заре.

* * *

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба –
Не плачь! завиден жребий наш,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский – взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнотом иссеченную Музу...